

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Актуальные проблемы квалификации преступлений, предусмотренных
частью 1 статьи 114 УК РФ»

Студент

К.А. Бурханов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

доктор юрид. наук, профессор, В.К. Дуюнов

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния.....	7
1.1 Теоретико-исторический аспект развития института необходимой обороны в зарубежном праве и законодательстве	7
1.2 Теоретико-исторический аспект развития института необходимой обороны в российском уголовном законодательстве	21
1.3 Понятие необходимой обороны, условия ее правомерности и значение в уголовном законодательстве Российской Федерации.....	31
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика состава умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, совершенного при превышении пределов необходимой обороны	47
2.1 Понятие тяжкого вреда здоровью и ответственность за его причинение в Уголовном кодексе Российской Федерации.....	47
2.2 Объективные признаки состава причинения тяжкого вреда здоровью при превышении необходимой обороны	60
2.3 Субъективные признаки состава причинения тяжкого вреда здоровью при превышении необходимой обороны	66
2.4 Проблемы отграничения состава причинения тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны от смежных составов преступлений.....	72
Заключение	87
Список используемой литературы и используемых источников	89

Введение

Актуальность избранной темы исследования обусловлена тем, что в ней соединены сразу несколько важных институтов уголовного права. Первый, это институт необходимой обороны, который предусматривает особенности реализации права на необходимую оборону и допустимых пределов её осуществления, которые определяют порог наступления ответственности за действия, которые превышают эти пределы. Второй аспект, это специфика преступления, связанная с причинением тяжкого вреда здоровью. Совокупность двух обозначенных факторов, обуславливают специфику субъективной и объективной стороны преступления, в т.ч. обстановки его совершения, которая предусматривает наличие нападения на виновного и соответственно, право на оборону от него, с другой стороны, особенности объективной стороны, заключающиеся в превышении допустимых пределов права на такую оборону (а значит, наличие умысла, специфика которого предусматривает не только осознанное причинение тяжкого вреда, но и осознание того, что его причинение является чрезмерной мерой).

Кроме того, остаётся спорным вопрос о том, как квалифицировать деяния, связанные с возможными последствиями в виде умышленного причинения смерти лицу, в отношении которого допущено превышение пределов необходимой обороны. Так, в уголовно-правовой доктрине и в судебной практике устоялось мнение о том, что в таких случаях ответственность виновного наступает по ч. 1 ст. 114 УК РФ за причинение тяжкого вреда при превышении пределов необходимой обороны. С другой стороны, в ст. 108 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), такое последствие в виде наступления смерти по неосторожности, является признаком квалифицированного состава преступления, т.е. об этом прямо указано в норме. В отличие от этого, в ст. 114 УК РФ отсутствует какое-либо указание на такое последствие. В связи с этим, возникает вопрос о целесообразности индивидуализации ответственности за совершение

рассматриваемого вида преступления с соответствующими последствиями, ответ на который может быть получен только в ходе тщательного анализа.

«Согласно размещённой в открытом доступе статистики приговоров по ч. 1 ст. 114 Уголовного кодекса Российской Федерации, количество таких преступлений, которые рассматриваются судами имеет тенденцию к устойчивому снижению. Если в 2015 году случаев осуждения по ч. 1 ст. 114 УК РФ было 739, то в 2016 уже 596, в 2017 – 616, в 2018 уже 522 [43]. В 2019 году количество осуждённых по ч. 1 ст. 114 УК составило 482 человек, при этом, интересно отметить, что оправдательных приговоров – только 3» [42].

Таким образом, актуальность избранной темы исследования обусловлена необходимостью совершенствования теоретических и законодательных аспектов уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны, сопряжённое с причинением тяжкого вреда здоровью.

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с привлечением к уголовной ответственности лица, за причинение тяжкого вреда здоровью, совершённого при превышении пределов необходимой обороны.

Предметом исследования является совокупность норм права, которые регулируют уголовную ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, в т.ч. нормы, которые регулируют пределы и условия необходимой обороны. Такие нормы содержатся в Конституции Российской Федерации (далее Конституция), в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК), а также в других нормативных правовых, в том числе, в международных, актах. Кроме того, к предмету исследования в настоящей работе относятся материалы судебной практики, а именно, решения судов по преступлениям, предусмотренным ст. 114 УК, по другим смежным преступлениям, обобщения и разъяснения сложившейся судебной практики, которые даются вышестоящими судами.

Целью исследования выступает разрешение актуальных проблем квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, совершенного при превышении пределов необходимой обороны.

Для достижения поставленной цели, представляется необходимым выполнить (решить) следующие задачи:

- Провести теоретико-исторический анализ развития института необходимой обороны в зарубежном праве и законодательстве.
- Провести теоретико-исторический анализ развития института необходимой обороны в российском уголовном законодательстве.
- Определить понятие необходимой обороны, условия ее правомерности и значение в уголовном законодательстве России.
- Рассмотреть понятие тяжкого вреда здоровью и ответственность за его причинение в УК.
- Проанализировать объективные признаки состава причинения тяжкого вреда здоровью при превышении необходимой обороны.
- Проанализировать субъективные признаки состава причинения тяжкого вреда здоровью при превышении необходимой обороны.
- Рассмотреть и проанализировать проблемы квалификации действий лиц, совершивших деяния, содержащие признаки причинения тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны.

Методологическую основу исследования составляют совокупность методов научного познания, к которым относятся методы диалектики, логические приёмы, метод восхождения от абстрактного к конкретному, социологический, статистический методы, методы формально-правовые, сравнительно-правовые, историко-правовые и другие методы науки.

Теоретической основой исследования являются исследованные автором научные труды в области уголовного права следующих учёных: В.А. Авдеев, Е.В. Авдеева, К.В. Авсеницкая, С.К. Амандыкова, Д.К. Рустембекова, В.Г. Бярзов, В.В. Векленко, В.К. Дуюнов, К.Д. Николаева, В.Н. Винокурова,

А.В. Воробьева, С.П. Гришавева, К.В. Дядюн, А.Г. Иванова, Э.Р. Иманавева, И.Б. Кардашова, Л.Р. Клебанова, Н.Ш. Козаева, Н.А. Лопщенко, Н.Н. Маршакова, В.С. Савельева, С.В. Складов, З.Б. Соктоева, А.Г. Хлебушкин и других. Кроме того, использована учебная и справочная литература.

Нормативную основу исследования составили Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, федеральные законы о внесении изменения в УК РФ, другие нормативные правовые акты.

Структура исследования подчинена поставленной цели и задачам, состоит из введения, основной части, которая разделена на главы, состоящие из параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния

1.1 Теоретико-исторический аспект развития института необходимой обороны в зарубежном праве и законодательстве

В результате проведённого анализа литературы, посвящённой наиболее древним источникам права, установлено, что право на необходимую оборону существовало у различных народов и государств с самых древних времён.

Одним из самых давних известных человечеству источников права являются законы Ману, появившиеся на территории современной Индии, которые существовали на протяжении 1200- 200 гг. до н.э. В этих законах говорится следующее: «Кто в защиту прав, ради своей безопасности, ради женщины или брамина, справедливо убьёт кого-либо, не признаётся виновным. Любой человек должен убить без колебания каждого, кто бросается на него с целью убийства, кем бы ни являлся последний: начальник, дитя, старец. Убить человека, который в публичном или частном месте покушается на убийство, не даёт основания признавать убившего его виновным» [23]. Как мы можем наблюдать, русскоязычная интерпретация данного текста даёт весьма чёткие и однозначные понятия об условиях и пределах необходимой обороны: главным условием является наличие нападения на обороняющееся лицо, на его женщину или брамина, целью отражения нападения является защита собственных прав или прав перечисленных лиц, безопасность.

«Существуют предписания относительно необходимой обороны и во второй книге Ветхого Завета Исход, которая датирована приблизительно 400 г. до н.э. В данной книге в исх. 21.2 дозволялось причинить смерть вору, при защите жилища от ночного вторжения, если последний был вооружён или хозяин полагал, что последний может быть вооружён» [84, с. 1088]. Что касается дневного времени суток, то, причинение смерти вору при

проникновении в жилище являлось не наказуемым только если хозяин дома убедился, что нападавший вооружён.

В древнеримских Законах XII таблиц, появление которых датировано 451-450 гг. до н.э., право на необходимую оборону также было связано с защитой жилища и собственности. Аналогичным образом, хозяин дома и члены его семьи получали право на необходимую оборону любыми способами и средствами в ночное время суток, а в дневное время суток, причинение смерти было допустимым только при реальном вооружённом нападении или сопротивлении [31, с. 46-47]. Необходимо отметить, что в целом, древнеримское право существенно продвинулось в развитии гарантий прав частной собственности, в связи с чем у собственника имелись широкие возможности по защите своей собственности от посягательства других лиц.

Если рассматривать период раннего и позднего средневековья на территории Европы, то необходимо учитывать несколько факторов. Во-первых, после распада Римской Империи, её право частично сохраняло влияние на землях, на которых последняя ранее распространяла своё влияние, во-вторых существенную часть правового регулирования составляли так называемые «варварские правды», содержание которых в значительной степени основывалась на традициях соответствующих народов. В целом же, чёткое и однозначное понимание необходимой обороны и права на него в средние века отсутствует. Например, Е.В. Лукки отмечает, что в эпоху раннего средневековья во французских королевствах только король решал вопрос об освобождении от ответственности за лишение человека жизни при защите от нападения последнего. В таком случае полагалось взыскание штрафа в казну государства [31, с. 46-47].

Возможность обороны и причинение в ходе обороны смерти предусматривалась фризскими законами (народ, проживающий на территории нынешней Германии и Нидерландов) [27, с. 154], Салической правдой (в таком случае уплачивался только штраф в размере половины от штрафа (виры), который взыскивался в случае умышленного убийства) [16]. Саксонская

правда, которая появилась позже, уже предусматривает право обороняться вплоть до причинения смерти человеку, в случае проникновения вора в жилище, защите имущества и членов семьи [35, с. 48-50]. Кроме того, относительно средневекового права в целом необходимо констатировать сохраняющееся право и обычай кровной мести, который мог быть реализован в том числе и в отношении нападавшего одновременно с нападением или незамедлительно после него. Если рассматривать такую ситуацию, как реализацию права на необходимую оборону, то отметим, что последняя могла быть применена практически в любом случае противоправного воздействия на члена общества того времени или его имущество и близких (например, на женщину, на ребёнка и т.п.).

В последующем, вплоть до XX века, право на необходимую оборону развивалась и трансформировалось. Одним из наиболее ярких примеров конкретизации правового предписания относительно необходимой обороны является Уложение императора Карла IV от 1532 г., согласно которому, не являлось преступлением оборона женщины от мужчины при защите собственной чести и достоинства, признавались правомерными действия мужчины по защите своей семьи или других лиц; действия любых граждан, которые причинили смерть или другой телесный вред нападавшему на них человеку [31, с. 52].

В целом, рассматривая историю развития представлений о необходимой обороне в праве, необходимо констатировать наличие преемственности в правовом регулировании данного вопроса. Тот факт, что право на самооборону появляется как в законах частного права Древнего Рима, так и в основанных на традициях и обычаях законах первых варварских государств континентальной Европы, говорит о том, что право и возможность обороняться от нападения являются естественной потребностью человека, признавалось обществом допустимым и необходимым в целях защиты частного и общего интереса. На протяжении многих веков остаётся

неизменными положения о возможности защиты себя и членов семьи, собственности и жилища от нападения, которые им угрожают.

Рассмотрим существующий правовой опыт зарубежных государств относительно права на необходимую оборону. Учитывая большое количество государств и существенное многообразие принимаемых в них законов, анализ будет проводиться по группам основных правовых семей: англо-саксонская, мусульманская и континентальная. При этом, последней правовой семье будет уделено более пристальное внимание в виду того, что к ней относится и отечественная правовая система.

В результате проведённого анализа зарубежных правовых систем установлено, что в каждой из них среди оснований, исключающих наступление уголовной ответственности, предусмотрены случаи причинения вреда другому лицу в качестве «средства» обороны от противоправного посягательства последнего. В целом, необходимая оборона идентифицируется большинством правовых систем как действие общественно-полезное, поскольку позволяет гражданам самостоятельно предотвратить преступное посягательство. Кроме того, необходимая оборона и реализация права на него не зависит и не связано с эффективностью деятельности государства и с возможностью предотвращения противоправных действий сотрудниками правоохранительных органов. В целом также уголовное право предоставляет гражданам большинства зарубежных государств предусматривает не сколько возможность освобождения от уголовной ответственности, поскольку это предполагает наличие состава преступления, но и гарантии того, что участник правоотношений не будет нести ответственность за вред, который был причинён лицом, которое самостоятельно защищало себя от преступного нападения, либо лицу, которое защищает других от такого нападения, защищает интерес общества или государства. Иными словами, в таких действиях состав преступления отсутствует как таковой.

Англо-саксонская правовая семья представляет собой правовую систему Великобритании, а также других государств, которые исторически находились

в зависимости от последней, заимствовали основные принципы и подходы правового регулирования. К таким государствам принято относить США, Австралию, Канаду, Индию, Нигерию, Бангладеш и некоторые другие государства [69, с. 56-57].

Учитывая особенности права Англии, в последнем отсутствует систематизированное законодательство, нормы о возможности применения лицом самообороны вырабатываются в процессе судебной правоприменительной деятельности. При этом, также существует и Закон «Об общем праве» принятый в 1967 году [15, с. 108]. Как отмечает О.В. Журкина, этот закон предоставляет лицу право на применение силы на принципе разумности для предотвращения преступления. Перечень благ, которые подлежат защите по такому закону весьма обширен: жизнь и здоровье обороняющегося, защита жизни и здоровья другого лица, защита собственного имущества, защита интересов общества и государства [22, с. 4426].

Особенности уголовного законодательства США обусловлены его федеративным устройством, которое позволяет отдельным штатам предусматривать собственные правила уголовной ответственности, если последние не содержатся в федеральном законодательстве. Так, вопрос о необходимой обороне на федеральном уровне не урегулирован, в связи с этим, например, в соответствии с § 35.15 Уголовного кодекса Нью-Йорк: «Лицо может применить физическую силу к другому лицу тогда и в той степени, когда и насколько, как оно разумно предполагает, это необходимо в целях защиты самого себя или третьего лица от того, что, как оно разумно предполагает, представляет собой применение или угрозу применения противоправной физической силы таким иным лицом» [90], [75]. Обратим внимание, что в вопросе необходимой обороне закон штата Нью-Йорк ключевое внимание уделяет субъективному восприятию обороняющегося действий других лиц. В связи с этим, возникает предположение о том, что, в целом, мнимая оборона в таких случаях признаётся правомерной, то есть преступность деяния которым

обороняющееся лицо причинило вред лицу, которое в действительности не посягало на последнего, исключается, если предположение о нападении было «разумным».

Существенные особенности регулирования необходимой обороны предусмотрены в законодательстве Индии. В УК Индии существует отдельный раздел, посвящённый вопросам необходимой обороны в котором содержится 11 статей. Так условием необходимой обороны выступает необходимость физической защиты, защит собственного движимого или недвижимого имущества. Важным критерием правомерности необходимой обороны в случае физической угрозы выступает разумное опасение наступления смерти ли другого тяжкого вреда здоровью. Запрещено применять право необходимой обороны против государственного служащего, который действует добросовестно, хоть и в нарушение, законодательных предписаний (при условии, если обороняющийся осведомлён о статусе должностного лица). Важным критерием также выступает соразмерность вреда, причинённого при необходимой обороне тому, который мог быть причинён при нападении. В процессе необходимой обороны допускается причинение смерти при наличии определённых условий: субъективный критерий (обстоятельства указывают на возможность наступления смерти или тяжкого вреда здоровью, если не защищаться); нападение совершается в целях изнасилования или другой противоестественной похоти; нападение совершено в целях похищения женины или ребёнка. В других случаях, нападавшему может быть причинён любой вред, кроме умышленного лишения свободы.

Далее рассмотрим особенности регулирования права на необходимую оборону в странах континентального права. За основу будут взяты такие государства, как Франции, Германии, Италии, Швеции, Швейцарии.

Основным источником уголовного права Франции является Уголовный кодекс 1992 года [93], [76] (далее - УК Франции), который также предусматривает возможность реализации гражданами права на необходимую

оборону, которая разделена на два основных вида. Вопросы необходимой обороны, а именно «la légitime défense», в УК Франции урегулированы в ст. 122-5 и ст. 122-6. Например, в соответствии со ст. 122-5 УК Франции, не может быть привлечён к ответственности тот, кто, в условиях неправомерного посягательства на него или на другое лицо, совершает действия, продиктованные необходимостью законной обороны, кроме случаев явной несоразмерности используемых средств защиты и серьёзности посягательства [2, с. 55-72].

Таким образом во Франции установлено два основных критерия правомерности необходимой обороны. Первый, это совершение в отношении лица, реализующего право на необходимую оборону или в отношении иных лиц действий, которые являются основанием для применения правомерной обороны (названо – «необоснованное посягательство»). Обращает на себя внимание, и то, что такое «посягательство» может быть обоснованным, например, лицо может задерживаться иными лицами за совершение противоправных действий, последний, например, может выпровождаться из помещения, с территории, которая является частной собственностью и т.п. Иными словами, должно иметь место незаконное противоправное посягательство, которое создаёт условие, обстановку, позволяющую реализовать право на правомерную оборону. Вторым критерий правомерной обороны заключается в соразмерности применённых средств защиты и осуществимого посягательства.

Кроме того, существуют и специальные правила реализации правомерной обороны, согласно абз. второго ст. 122-5 УК Франции, допустимо применение в отношении лица посягающего на собственность иного лица, любого насилия которое не будет иметь следствием причинения последнего смерти, если такая самозащита является «строго необходимой» для достижения цели обороны (защиты), а использованные для такой обороны средства являются соразмерными нападению. В данном случае, как представляется, когда говорится про соразмерность средств и нападения,

законодатель имеет ввиду, например, возможность защищаться оружием (холодным и/или огнестрельным) при, соответственно, нападении с использованием оружия. Соответственно, защита от нападения с использованием физической силы или угрозы применения физической силы, при помощи огнестрельного или иного оружия, несущего в себе смертоносную силу, по общему правилу не может быть признано правомерным.

Кроме того, для понимания содержания института необходимой обороны во Франции, обратимся к ст. 122-6 УК Франции, согласно которой лицо признаётся «находящимся в состоянии необходимой обороны», в случае если имеет место проникновение в ночное время в жилое помещение способом взлома запорных устройств, с применением насилия или хитрости. Иными словами, при таких условиях (при такой обстановке), у собственника или у другого лица находящегося в помещении возникает право на оборону, вне зависимости от наличия непосредственной угрозы жизни и здоровью такого лица.

В подведение промежуточных итогов изучения вопроса правового регулирования необходимой обороны во Франции, отметим, что правомерная необходимая оборона заключается в наличии следующих условий: посягательство должно иметь серьёзный характер, т.е. общественно-опасным; противоправное посягательство должно носить материальный (фактический) характер, происходить в определённое время и в определённом месте соответствующем времени реализации права на необходимую оборону; посягательство должно носить незаконный характер; отдельным условием правомерности обороны является посягательство в ночное время суток способом проникновения в жилище. В свою очередь, критериями правомерности действий обороняющихся, являются: такие действия должны быть необходимыми, а, в случае защиты собственности – соответствовать критерию строгой необходимостью; соответствовать критерию соразмерности (главный законодательный критерий – недопустимость умышленного убийства в случае защиты от посягательства на собственность). В свою

очередь, превышение пределов необходимой обороны признаётся в случае нарушения пропорциональности и полезности защиты.

Далее рассмотрим законодательный опыт Италии. Прежде всего отметим, что он отличается от французского тем, что у гражданина отсутствует безусловное право на необходимую оборону. Так, согласно ст. 52 УК Италии, не может быть подвергнут наказанию тот, кто совершил насилие в отношении лица, будучи вынужден к этому необходимостью защиты личных прав или прав иных лиц, однако, при условии пропорциональности мер обороны и совершаемого посягательства» [24]. Во-первых, обращает на себя внимание такая формулировка, как «будучи вынужден», что по своей сути предполагает обязанность лица постараться предотвратить ситуацию противоправного посягательства другим способом, кроме самообороны. Эта позиция в корне отличается от права на необходимую оборону, которое не зависит от возможности лица избежать нападения иным способом.

Что касается вопросов превышения пределов необходимой обороны и ответственности, то такая ответственность предусмотрена и рассматривается итальянским законодателем, как «неосторожный эксцесс». Иными словами, имеет место причинение вреда по неосторожности. При этом, ответственность как бы применяется «по аналогии» с ответственностью за неосторожные преступления (предусмотрено в ст. 55 УК Италии). Однако, умышленное причинение вреда чрезмерного для целей защиты, когда обороняющийся умышленно причиняет, вред намного больший чем тот, который мог быть причинён нападавшим, то и ответственность в таком случае наступает как за совершение умышленного преступления.

Рассмотрим основания возникновения условий, которые позволяют реализовать право на необходимую оборону. Так, это наличие посягательства, требование, согласно которого посягательство не должно быть намерено спровоцировано обороняющимся, отсутствие у обороняющегося другого способа уклонения от нападения.

Обладает своей спецификой правила необходимой обороны в Германии. Так, право на необходимую оборону, в отличие от Италии, в Германии абсолютно, т.е. у обороняющегося отсутствует обязанность поиска других вариантов разрешения конфликта (есть отдельное исключение). защите подлежат любые законные интересы лица, которые охраняются законом. Также, защите подлежат как непосредственно обороняющийся, так и другие лица. При этом, как указывает В.П. Головненков, не могут быть предметом необходимой обороны, общественный и государственный интерес [11, с. 46-47].

Критериями правомерности обороны, согласно параграфов 32-35 Уголовного уложения ФРГ [77], [89], являются необходимость и соразмерность. Необходимость раскрывается через критерии интенсивности и вида посягательства и через имеющиеся в наличии у обороняющегося средства защиты. Соразмерность обороны раскрывается посредством возможности достижения задачи пресечения преступного посягательства или отражения нападения в зависимости от конкретно сложившихся условий.

Однако, в сравнении с другими рассмотренными выше примерами европейских государств, право на необходимую оборону в Германии существенно ограничено. Основным ограничительным фактором является необходимость выполнения предварительного условия, связанного с поиском других возможных средств и способов защиты, кроме причинения вреда посягающему лицу при посягательстве таких категорий лиц, как малолетние и несовершеннолетние лица, от лиц, пребывающих в состоянии алкогольного опьянения, от психически нездоровых лиц, либо от лиц, которые совершают посягательства действуя неосторожно. Анализ данных исключений, ставит логичный вопросом о том, по каким критериям будут оцениваться действия: в силу субъективного восприятия обороняющегося, либо по аналогии отечественного принципа «объектового вменения»? Ещё больше усложняет понимание баланса правомерности/неправомерности наличие такого основания для освобождения от ответственности за превышение пределов

необходимой обороны, если такое лицо действовал в состоянии страха или испуга, замешательства, которое было вызвано внезапностью и характером нападения [12, с. 36-37].

Далее рассмотрим особенности регулирования необходимой обороны в Швеции. Так, согласно ст. 1 главы 24 УК Швеции [78], [91] определяет: «деяние, совершенное лицом в состоянии самообороны, образует преступление, только если, учитывая характер преступного нападения, важность его объекта и обстоятельства в целом, оно явно неоправданным». Иными словами, главным критерием правомерности необходимой обороны в Швеции является элемент «оправданности», который предусматривает под собой широкий спектр для судебного усмотрения, а значит непосредственные критерии «оправданности» необходимой обороны вырабатываются в судебной практике.

Уголовное законодательство Швеции лишь устанавливает определённые критерии: преступное посягательство должно начаться или непосредственно надвигаться на обороняющееся лицо; в отношении лица, которое было застигнуто при совершении имущественного преступления и которое продолжило оказывать сопротивление или не прекращает свои преступные действия; необходимая оборона допустима в отношении лица, которое проникает в жилище, иную собственность; в отношении лица, которое отказывается покинуть жилище вопреки воли на это собственника.

Примечательно, что согласно УК Швеции, как и УК Германии, право на необходимую оборону распространяется только в отношении тех благ, которые непосредственно связаны с личностью обороняющегося или других лиц, но не интересы государства и не интересы общества. Таким образом, объектом необходимой обороны могут выступать жизнь и здоровье, личная собственность, личное имущество, неприкосновенность личности). Критерии правомерности необходимой обороны, в целом, аналогичны ранее рассмотренным. Это наличность и реальность посягательства, невозможность признания действия необходимой обороны, которые совершены после

окончания преступного посягательства; важным критерием преступного посягательства является применение силы; применение необходимой обороны в отношении лица, совершившего имущественное преступление, возможно только в условиях, когда последний застигнут при совершении такого преступления, либо непосредственно после его совершения.

Далее обратим внимание на следующую важную, по нашему мнению, особенность уголовного законодательства Швеции. В данном государстве даже превышение пределов необходимой обороны, при условии, что оно произошло не осознанно, не признаётся в качестве преступного деяния. При этом, в ст. 5 главы 2 УК Швеции предусмотрена правовая фикция (утверждение, считающееся соответствующим действительности) о том, находясь в состоянии необходимой обороны обороняющееся лицо может превысить их пределы, поскольку «вряд ли» у последнего было достаточно времени в точности оценить происходящие события. При этом, лицо подлежит ответственности, в случае умышленного и осознанного превышения пределов необходимой обороны. В таком случае, ответственность наступает по статье, регулирующей конкретный вид совершённого обороняющимся преступления при наличии состояния необходимой обороны как смягчающего обстоятельства [28, с. 73-77].

Далее рассмотрим уголовное законодательства Швейцарии [92]. В данном государстве также признаётся право на необходимую оборону как в условиях непосредственного нападения, так и в условиях угрозы такого нападения [79]. Необходимым условием, исключающим преступность необходимой обороны, является соразмерность способа обороны и характера нападения. В случае, если обороняющийся явно превысил меры необходимой обороны, то последний подлежит ответственности как за соответствующее умышленное преступление, при этом состояние необходимой обороны, как и в случае с Швецией, будет признано смягчающим обстоятельством [86, с. 84-86].

Далее обратимся к Мусульманской (арабской) правовой семье, которая представлена странами Арабского Востока (королевство Марокко, государство Катар, Алжирская республика и другие), а также некоторыми африканскими странами (например, Нигерией).

А.Х. Саидов отмечает, что «для уголовных кодексов стран мусульманской правовой семьи присуще понятие «необходимая оборона», которое признается общественно полезным и значимым действием. Однако большинством законодательных актов предусмотрено, что у граждан нет права на необходимую оборону в тех случаях, когда у обороняющегося лица имеется достаточно времени для обращения за помощью к властям (ст. 42 Уголовного кодекса Ирака, ст. 62 Уголовного кодекса Афганистана)» [69, с. 325]. Таким образом, в качестве одной из существенных черт права на необходимую оборону в странах мусульманского права является отсутствие достаточно времени и возможности обратиться за помощью к представителям государства. В большинстве случаев, это существенно отличает необходимую оборону в мусульманских государствах, от аналогичного института как в англо-саксонской, так и в континентальной системе права (за некоторым исключением, например, Италия где существует условия невозможности избежать нападения иным способом).

В подведение итогов отметим, что, в целом, рассматривая историю развития представлений о необходимой обороне в праве, необходимо констатировать наличие преемственности в правовом регулировании данного вопроса. Тот факт, что право на самооборону появляется как в законах частного права Древнего Рима, так и в основанных на традициях и обычаях законах первых варварских государств континентальной Европы, говорит о том, что право и возможность обороняться от нападения являются естественной потребностью человека, признавалось обществом допустимым и необходимым в целях защиты частного и общего интереса. На протяжении многих веков остаются неизменными положения о возможности защиты себя и членов семьи, собственности и жилища от нападений, которые им угрожают.

Право (возможность) обороны от противоправного посягательства предусмотрена во всех рассмотренных правовых системах. В большинстве государств такое право может быть реализовано вне зависимости от соблюдения определенных условий (например, даже в условиях, которые позволяют лицу избежать нападения, не прибегая к оборонительным действиям). Какие-либо существенные различия между правовыми семьями общего права, мусульманской и континентальной относительно вопросов о необходимой обороне, не установлено. Единственной характерной чертой, например, мусульманского права, является наличие условия о невозможности обратиться за помощью к представителям государства. В качестве исключения для континентальной правовой семьи, в Италии одним из условий применения необходимой обороны является невозможность избегания противоправных последствий, иным способом. В Германии существуют отдельные исключения, которые связаны с нападением несовершеннолетних, с нападением лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения и действий, совершаемых по неосторожности. В целом, критериями правомерности необходимой обороны выступает наличие противоправного нападения и соразмерность применяемых мер защиты. Соответственно, превышение пределов необходимой обороны рассматриваются действия нарушающие указанные правила. Последствия такого превышения, в зависимости от законодательства государства, различны. Например, в Швеции и в Швейцарии любое превышение пределов необходимой обороны рассматривается как смягчающее обстоятельство при назначении наказания, но не как отдельный состав преступления. В целом специальных норм, индивидуализирующих уголовную ответственность за причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны, в УК зарубежных стран, не предусмотрено (в отличие от отечественного законодательства).

Что касается квалификации действий лиц, которые допустили превышение пределов необходимой обороны, то относительно последнего установлена, как правило, более мягкая ответственность, в сравнении с

аналогичными деяниями, не связанными с необходимой обороной. Как правило, такая ответственность наступает только в случае причинения существенного вреда нападавшему.

Рассматривая вопрос о возможных направлениях заимствования зарубежного опыта в вопросе необходимой обороны и ответственности за причинение вреда здоровью при превышении её пределов, довольно сложный. Возможным направлением заимствования является сведение в «единую» уголовно-правовую норму вопросов уголовной ответственности за причинение вреда жизни и здоровью человека при превышении пределов необходимой обороны (имеется в виду нынешние ст.ст. 111 и 114 УК РФ). Кроме того, в большинстве государств континентальной Европы, критерии превышения пределов необходимой обороны содержатся в статьях общей части уголовных законов (как и в России), а ответственность за причинение вреда в условиях превышения таких пределов, определяется как смягчённая ответственность за соответствующее умышленное преступление. Данный подход может быть применён и в России, поскольку в соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ предусмотрено такое смягчающее обстоятельство, как «совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны ...».

1.2 Теоретико-исторический аспект развития института необходимой обороны в российском уголовном законодательстве

Первое упоминание об институте необходимой обороны имело место в нормативных актах Киевской Руси. Интересно отметить, что право на необходимую оборону признавалось даже в первых известных отечественных источниках. В частности, в договорах князя Олега с греками датированным 911 годом и в аналогичном договоре князя Игоря 945 года, было договорено о наличии у хозяина права причинения смерти вору, который был застигнут последним на месте совершения преступления, однако, только при наличии от

последнего сопротивления. В случае, если застигнутый на месте преступления вор не оказывал сопротивления, то единственной допустимой мерой со стороны хозяина было его связывание, то есть задержание. В последствии данные нормы в практически идентичном содержании были воспроизведены в Русской Правде [72]. В целом, необходимо констатировать, что объектам охраны права на необходимую оборону в период существования Древнерусского государства являлась личность и собственность.

В последствии, положения о допустимой обороне в царском и имперском законодательстве активно развивались. Вызывает интерес опрос о том, как именно оценивалось право на необходимую оборону в отечественной теории в дореволюционный период. Одним из основных научных произведений о необходимой обороне, был труд В.Р. Долопчёва датированный 1874 годом. Учёный писал, что в период зарождения отечественного письменного права, исходя из содержания уже обозначенных договоров князей Олега и Игоря с греками, можно сделать вывод о существовании правового обычая, допускающего неограниченной расправы над вором, (самосуда над преступником). При этом, расправа допускалась как непосредственно после совершения преступления над пойманным преступником, так и в момент его совершения [12, с. 36-50]. Иными словами, был допустим и имел тесную взаимосвязь как «самосуд», так и «оборона».

В свою очередь, отдельные учёные отмечают, что нормы о необходимой самообороне уже не были так чётко и однозначно воспроизведены в Русской Правде, в сравнении с вышеописанными договорами ранних киевских князей. С большей долей вероятности, право на необходимую оборону и даже на самосуд над преступником непосредственно после совершения преступления продолжало существовать в качестве правового обычая, само собой разумеющегося, того, что не требовало письменного закрепления (существует теория, что письменного закрепления требовали только те нормы, которые неоднозначно воспринимались обществом, не были укоренённые в нём,

например, система штрафов, специальные не распространённые наказания и т.п.).

Далее отметим, что государство вернулось к регулированию права на необходимую оборону в более «поздних» правовых источниках, например, в Царском Судебнике Ивана IV, в Уложении 1649 года. Согласно указанных источников, обороняющееся лицо было наделено правом причинения смерти посягающему на него, однако, в таком случае, на первого возлагалось бремя доказывания. Иными словами, оборонявшийся должен был доказать, что на последнего имело место посягательство, от которого необходимо было защищаться. Кроме того, важное значение имело поведение обороняющегося, а именно, незамедлительное следование к ближайшему представителю власти (воеводе), сообщение ему о случившемся, выполнение обряда крестного целования. Отмечается также, что в Соборном Уложении 1649 года пределы необходимой обороны были расширены [7, с. 33-34].

Интересным представляется рассмотреть правопонимание института необходимой обороны в XIX столетии. Основным для того времени трудом в области уголовного права на заданную тематику стала работа известного отечественного юриста А.Ф. Кони имеющая название «О праве необходимой обороны» датированная 1865 годом [85], содержание которой. Существует даже представление о том, что теоретические воззрения А.Ф. Кони на институт необходимой обороны, уже нашими современниками, были положены в основу норм о необходимой обороне в УК РФ 1996 года. Как отмечал сам А.Ф. Кони, человеку присущий инстинкт самосохранения как в силу его биологических рефлексов (животных), так и в силу его разума. Глубина чувства самосохранения у человека свидетельствует о его естественном происхождении и обуславливает допустимость защиты от всякого чуждого посягательства [26].

В результате проведённого анализа указанного труда, установлено, что А.Ф. Кони в целом являлся сторонником права на необходимую оборону, которое в его представлении должно во всех случаях превалировать над

неправом. Под «неправом» А.Ф. Кони понимал любые противоправные действия, которые совершаются в отношении лица осуществляющего необходимую оборону. Также, учитывая, что право на необходимую оборону относилось учёным к естественному, то есть принадлежащему от рождения и обусловленному самим существованием человека, праву, последнее существовало с самых древних времён и будет существовать в будущем [7, с. 33-34].

Интересны воззрения А.Ф. Кони относительно условий правомерности необходимой обороны. Во-первых, А.Ф. Кони является противником тезиса относительно установления жёсткого правила соответствия оборонительных мер – противоправным действиям. Необходимая оборона как «извинительное деяние» (то, которое подлежит прощению) должно и может предполагать допустимость определённой погрешности, связанной с допустимостью причинения нападавшему вреда большего чем тот, который намеревался причинить или причиняет последний обороняющемуся. А.Ф. Кони даёт свое определение права необходимой обороны: «необходимая оборона есть вынужденное защищение против несправедливого нападения» и выводит из него главнейшие условия необходимой обороны. Из этого следует, что необходимая оборона должна быть вынужденной, а именно, должны отсутствовать возможность помой со стороны государства в момент нападения.

Подводя промежуточные итоги рассмотренному историческому периоду, обратимся к А.Г. Назурову и Е.А. Шищенко, которые отмечают, что в период в XVIII - XX вв. имело место существенное ограничение объемов реализации права на необходимую оборону. Возможно, это было связано с тем, что государство стало усматривать в необходимой обороне попытку ограничения государственной власти, передачи части таких важных полномочий народу. В законодательство в качестве условия правомерности необходимой обороны было введено положение о невозможности избегания посягательства другим способом или прибегнуть к помощи компетентных

органов государства. Помимо этого, были внедрены определенные требования к своевременности и соразмерности вреда, причиненного в состоянии необходимой обороны [36].

В советский период в институт необходимой обороны были внесены некоторые изменения. А именно - был расширен круг объектов обороны, и впервые к данным объектам, помимо жизни и здоровья, были отнесены интересы государства и общества. Связано это, не в последнюю очередь, с тем, что в тот период государственные интересы были в приоритете перед интересами личности [33].

В советский период, первоначально право на необходимую оборону было закреплено в ст. 19 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года: «Не подлежит наказанию уголовно-наказуемое деяние, совершенное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личность или права обороняющегося или других лиц, если при этом не допущено превышения пределов необходимой обороны».

Анализ указанной статьи позволяет выделить два положения, относящиеся к условиям правомерности необходимой обороны:

- объектами защиты посредством необходимой обороны могут выступать личность или права обороняющегося либо других лиц;
- пределы необходимой обороны не должны быть превышены [8, с. 116].

Следует заметить, что в статье не указывалось, что понимается под превышением пределов необходимой обороны. Указанное деяние признавалось не правомерным, а лишь ненаказуемым, о чем в юридической литературе справедливо упоминалось следующее: «Таким образом, считалось, что при необходимой обороне лицо совершает преступное деяние, но наказанию не подлежит. Примерно такая же формулировка использовалась и применительно к крайней необходимости. Оба обстоятельства рассматривались только как исключаящие наказание» [74, с. 451].

Более подробную регламентацию право на необходимую оборону получило в ст. 13 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года [80] (статья в последней редакции 1994 года), согласно ч. 1 которой: «каждый имеет право на защиту своих прав и законных интересов, прав и законных интересов другого лица, общества, государства от общественно опасного посягательства независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти».

Условия правомерности необходимой обороны детализировались в ч.ч. 2 и 3 указанной нормы:

Правомерной является защита личности, прав и законных интересов обороняющегося, другого лица, общества и государства путем причинения любого вреда посягающему, если нападение было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Защита от нападения, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства.

Анализ содержания указанной статьи позволяет сделать вывод о том, что законодательное закрепление получило большее количество требований к оборонительным действиям:

- расширился круг объектов необходимой обороны - права и законные интересы обороняющегося лица, права и законные интересы другого лица, общества, государства;
- лицо наделялось правом необходимой обороны независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти;
- законодательное закрепление получило положение о том, что при защите от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для

жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, пределы необходимой обороны превысить невозможно;

- превышение пределов необходимой обороны возможно лишь при защите от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с угрозой применения такого насилия;
- законодательно закреплено понятие превышения пределов необходимой обороны - под таким превышением понимаются умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства.

Следует заметить, что данное понятие было изложено в законе в оценочной форме. Обращая на этом внимание, В.В. Питецкий указывал, что применение оценочных понятий на практике связано с определенными трудностями, оперирование ими намного сложнее, чем понятиями неоценочными [68, с. 13].

Согласно тексту рассматриваемой статьи оборонительные действия признавались правомерными, то есть совершенными при обстоятельстве, исключающем противоправность, «что означало признание их правомерности» [84, с. 451].

В советский период по вопросам обобщения судебной практики, связанной с необходимой обороной, было принято три постановления Пленума ВС СССР: от 23 октября 1956 г. [55], от 4 декабря 1969 г. № 11 [56] и от 16.08.1984 г. № 14 [57].

В 1984 году было принято Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» [57]. Остановимся на нём подробнее. Так, согласно п. 2 указанного Постановления № 14, отмечалось, что общественно опасным посягательством является любое действие, подпадающее под признаки уголовно-наказуемого за исключением

малозначительного. В последнем случае, обороняющееся лицо, подлежит ответственности на общих основаниях, речь не идёт даже о смягчении уголовного наказания.

В соответствии с п. 5 Постановления № 14, указывалось на то, что необходимая оборона есть определённое состояние, которое возникает в момент появления реальной угрозы нападения и сохраняется даже после того, как нападающий будет лишён оружия используемого при нападении. Однако, не определялись в качестве необходимой обороны, действия, совершённые после фактического прекращения посягательства со стороны нападающего.

Также, в Постановлении № 14 (п. 10 и 11) указывается на необходимость квалификации действия, заключающиеся в превышении пределов необходимой обороны, в результате которых нападающему был причинён тяжкий вред здоровью, повлекший по неосторожности смерть нападающего, подлежал квалификации по ст. 111 УК РСФСР (аналог нынешней ст. 114 УК РФ). Также указывалось на необходимость разграничивать преступления, связанные с превышением пределов необходимой обороны и действия, связанные с причинением вреда в состоянии сильного душевного волнения, вызванного предшествующим преступным посягательством.

Необходимо отметить, что в целом, положения вышеуказанного Постановления № 14, соответствуют современному отечественному опыту правоприменения, что говорит о преемственности сложившейся судебной практики.

В настоящее время наличие данного института предусматривается УК РФ, который в статье 37 предусматривает, что «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» [33, с. 26]. Данное

положение Уголовного кодекса исходит из ст.45 Конституции Российской Федерации, предусматривающей право каждого на защиту своих прав и свобод любыми способами, не запрещенными законом [36].

Сравнивая редакции ранее действовавшей ст. 13 УК РСФСР 1960 г. и ст. 37 УК РФ, отметим, что в новой редакции необходимая оборона не была предусмотрена в качестве права. Также отметим, что фактически ч.2 ст. 13 УК РСФСР идентичен ч. 1 ст. 37 УК РФ, которые допускают причинение любого вреда здоровью нападающему, если такое нападение сопряжено с насилием опасным для жизни или здоровья, или с угрозой применения такого насилия.

С момента принятия в 1996 году последнего действующего УК РФ, вопросы необходимой обороны как основания, исключающие преступность деяния, предусмотрены ст. 37 УК РФ. С момента принятия данной нормы и до настоящего момента, в неё трижды вносились изменения – в 2002, 2003 и в 2006 году.

Рассмотрим их подробнее. Данные изменения были вызваны постепенным совершенствованием и детализацией законодательного регулирования критериев правомерности необходимой обороны.

В результате изменений, внесённых в 2002 году [39] ч. 1 ст. 37 УК РФ в которой содержится определение необходимой обороны, были дополнены и конкретизированы условия правомерности необходимой обороны в части критериев преступного посягательства. С указанного момента, было введено условие, согласно которому, общественно опасное посягательство должно быть соединено с насилием, являющимся опасным для жизни самого обороняющегося или иного лица, либо было соединено с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Ещё одним изменением 2002 года является введение новой редакции ч. 2 ст. 37 УК РФ, которая предусматривала условия правомерности применения необходимой обороны (одновременно с этим, редакция части третьей в которой было определено понятие превышения пределов необходимой обороны). С указанного момента, было установлено, что правомерной

является та необходимая оборона, которая не являлось превышением пределов необходимой обороны, к которым были отнесены действия умышленного характера явно несообразные характеру и опасности посягательства против которых они применяются.

В последующем, в 2003 году [40] ст. 37 УК РФ была дополнена ч. 2.1 в которой устанавливалось дополнительное правило (условие) правомерности необходимой обороны. Так, с указанного момента, признавалось правомерной необходимой обороной такие действия лица, которые последнее совершило по причине неожиданности посягательства от которого лицо оборонялось, если в результате такой неожиданности, лицо, не могло «объективно оценить степень и характер опасности нападения».

Следующее и, на данный момент, последнее изменение в ст. 37 УК РФ были внесены в 2006 году [41] и касались ч. 3 указанной нормы. В ст. 37 УК РФ были внесены, на первый взгляд незначительные изменения. Так первоначальная вторая часть стала третьей с некоторыми изменениями. Ранее в ней речь шла о праве на необходимую оборону и равенство права на неё, в части принадлежности каждому вне зависимости от «профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения». В результате изменений 2006 года уже теперь в части третьей указанной нормы идёт речь не о праве на необходимую оборону, а о распространении действий ст. 37 УК РФ на всех без исключения (по сути, на те же категории лиц, что и были ранее определены в качестве «носителей» права на необходимую оборону). Смысл данных изменений и задумка, которую преследовал при этом законодатель не вполне ясны. Означает ли это, что было упразднено право на необходимую оборону: Конечно же нет. Данное право есть и даже при отсутствии соответствующей формулировке в тексте нормы, оно имеет место и принадлежит каждому. Причины, по которым имели место такие изменения, до конца остаются непонятными.

Таким образом, за указанный период времени с 1996 года и по настоящий момент, норма о необходимой обороне эволюционировала в части

дополнения критериев преступного посягательства, а также условий правомерности необходимой обороны, к которым в настоящий момент отнесены: отсутствие признаков превышения необходимой обороны а, при наличии таковых, условие неожиданности преступного посягательства, создающее такую обстановку совершения преступления, в которой лицо реализующее право на необходимую оборону не могло оценить степень и характер опасности нападения. Вопрос о дальнейших мерах, направленных на совершенствование нормы о необходимой обороне, является открытым. В следующих разделах данной работы, среди прочего, будет осуществлена попытка установления необходимости такого совершенствования, а, при наличии таковой, поиск путей и способов, разработка конкретных предложений по внесению изменений в законодательство.

1.3 Понятие необходимой обороны, условия ее правомерности и значение в уголовном законодательстве Российской Федерации

Из буквального понимание термина «необходимая оборона», вполне допустимо сделать вывод, что она наделена признаком «необходимости». Иными словами, такая оборона необходима для защиты как самого обороняющегося, так и других лиц, общественных и государственных интересов. Однако, наличие детализированных правил (критериев) правомерности необходимой обороны делают необходимым более детальный анализ самого понятия «необходимая оборона и условий его правомерности.

Как отмечает А.А. Ефимович, исходя из положений, сформулированных в ч. 3 ст. 37 УК РФ, можно утверждать, что основанием необходимой обороны является сложный юридический факт, включающий в себя две группы самостоятельных действий, имеющих каждая свое содержание [21, с. 240]. К содержанию такого юридического факта необходимо отнести одновременное наличие двух юридически значимых обстоятельств: акта нападения и акта защиты. Если присутствует только один из обозначенных элементов, то

необходимая оборона как правоотношение не возникает. Например, когда имеет место факт нападения, но отсутствует самозащита, и объект посягательства убегает. Или наоборот, когда в действительности отсутствует акт посягательства, но существуют меры защит (в таком случае, может иметь место мнимая оборона).

Для того чтобы у обороняющегося лица появилось право на необходимую оборону от общественно опасного посягательства, последнее должно обладать определенными признаками. В доктрине уголовного права совокупность этих признаков именуют условиями правомерности необходимой обороны, относящимися к посягательству. Также выделяют и условия правомерности необходимой обороны, относящиеся непосредственно к защите (к действиям защищающегося).

Если обратиться к совместной монографии В.К. Дуюнова и А.Г. Хлебушкина, то последние к условиям необходимой обороны, относящимся к посягательству относят следующие: а) общественная опасность посягательства; б) наличие посягательства; в) реальность (действительность) посягательства. Совокупность этих условий показывает: когда, в каких случаях у человека возникает право на необходимую оборону [18, с. 187].

В свою очередь, к условиям правомерности необходимой обороны, которые связаны с действиями защищающегося лица, относятся следующие: а) право на необходимую оборону принадлежит любому лицу; б) защищать можно любое охраняемое законом общественное отношение (интересы личности, общества или государства); в) вред может быть причинен только самому нападающему; г) причинение вреда при необходимой обороне должно находиться в установленных законом пределах [18, с. 187].

Рассмотрим перечисленные основания подробнее.

Основания необходимой обороны систематизироваться могут и по характеру совершаемого посягательства. Как классификационный критерий характер совершаемого посягательства представляет собой совокупность

элементов, образующих его содержание. В качестве таких элементов выступают:

- форма осуществления посягательства (действие, бездействие);
- противоправность и (или) общественная опасность посягательства.

Далее подробнее рассмотрим условия правомерности необходимой обороны. В связи с тем, что состояние необходимой обороны возникает в связи с совершением противоправного деяния, в первую очередь рассмотрим условия правомерности необходимой обороны, которые относятся к такому посягательству.

Общественная опасность посягательства.

Ранее уже отмечалось, что одним из критериев является общественная опасность посягательства [19, с. 8-10; 20, с. 3-4]. Данный критерий возникает в связи с наличием в чч. 1 и 2 ст. 37 УК РФ указаний на то, что такое условие, как общественная опасность посягательства сопряжённое с насилием, «опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» ч. 1 ст. 37 УК РФ); либо посягательства сопряжённого «с применением насилия не опасного для жизни и здоровья ..., либо с непосредственной угрозой его применения» (ч. 2 ст. 37 УК РФ. Относительно последнего варианта, В.К. Дуюнов и А.Г. Хлебушкин в совместной монографии, в качестве примера приводят следующие ситуации: «побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья» [18, с. 187-188].

Также, важным моментом является то, что не имеет определяющего значения акт последующего привлечения, нападавшего к уголовной или иной ответственности вне зависимости от оснований не привлечения. Кроме того, важно понимать, что малозначительное деяние, которое содержит в себе только формальные признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ, но в реальности не отвечающее критерию общественной опасности, не является основанием для необходимой обороны [18, с. 188]. Иными словами,

в таком случае, деяние, которое формально хоть и содержит признаки уголовно-наказуемого деяния, однако не несёт в себе общественной опасности, не соответствует критерию общественной опасности, а значит, основания для необходимой обороны отсутствуют.

Остановимся подробнее на вопросе формы общественно опасного посягательства. Форма осуществления общественно опасного посягательства как основание необходимой обороны уголовным законодательством и доктриной уголовного права определяются по-разному. Что до судебной практики, то она в этом вопросе занимает позицию законодателя. А существо вопроса в следующем: должно ли общественно опасное посягательство иметь только форму общественно опасного действия или основанием необходимой обороны может быть и общественно опасное бездействие?

Грамматическое и систематическое толкование части первой и части второй со значком один статьи 37 УК РФ позволяет предположить, что, вводя в употребление термин посягательство, законодатель использует его в значении действия (применительно к вопросу необходимой обороны). На это указывают следующие грамматические обороты. Так, в части первой ст.37 УК РФ говорится о посягательстве, сопряженном с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Здесь термин насилие подчеркивает активную форму выражения посягательства. Окончательно вопрос о форме посягательства при необходимой обороне снимается в части второй со значком один статьи 37 УК РФ.

При этом, как отмечают А.А. Глазков, Р.П. Репин и В.А. Егоров в доктрине уголовного права возможность осуществления общественно опасного посягательства путем бездействия последовательно отстаивается [10, с. 146-148]. Такую же позицию имеет и ВС РФ, который в своём постановлении, обобщающем правоприменительную практику по рассматриваемому вопросу, допустил необходимую оборону в отношении неосторожных посягательств, а также в отношении деяний (как действий, так

и бездействий) (п. 3 Постановления Пленума ВС РФ). Долгожданным событием для науки уголовного права и правоприменителей явилось принятие Пленумом Верховного Суда РФ Постановления № 19 от 27.09.2012 года «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [58], которое посвящено проблеме разграничения и уточнения пределов необходимой обороны.

Основания возникновения права на необходимую оборону предусмотрены в ч. 1 ст. 37 УК РФ и детализированы в п. 2 Постановления Пленума ВС РФ № 19. Согласно ч. 1 ст. 37 УК РФ, основанием для применения права на необходимую оборону является наличие преступного посягательства, которое сопряжено с насилием по своему характеру реально опасным для жизни того лица, которое обороняется или другого лица. В свою очередь, согласно п. 2 Постановления ПВСРФ № 19 о реальности насилия опасного в момент его причинения могут свидетельствовать следующие обстоятельства:

- причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов);
- применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т.п.);
- непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, может выражаться, в частности, в высказываниях о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы [58].

Вместе с тем, в научном сообществе и в правоприменительной практике до настоящего момента возникают дискуссии относительно установления содержания термина нападение представляющее собой реальную угрозу жизни и здоровья. Исходя из буквального понимания данного термина, опасное для жизни насилие то, в случае, беспрепятственного применения которого может наступить смерть обороняющегося или другого лица. С другой стороны, когда идёт речь о субъективном восприятии того же обороняющегося, то каким образом, он может с точностью определить характер последствий от применённого или гипотетического насилия (попытки его применения) [34, с. 361-365]. Таким же образом, дискуссионным является вопрос о возможностях применения необходимой обороны при защите своей собственности от преступных посягательств [17, с. 160]. Как отмечает М.А. Ментюхова в УК РФ не содержатся норм, предоставляющих право защищать свою собственность [34, с. 361]. В учёной среде существуют предложения по установления права на необходимую оборону вплоть до причинения смерти нападающему от посягательств связанных с проникновением в жилище обороняющегося [65, с. 161].

Выше были приведены основания для реализации прав на необходимую оборону от преступного посягательства опасного для жизни обороняющегося или иного лица.

В свою очередь, в силу ч. 2 ст. 37 УК РФ, возможна необходимая оборона и в отношении посягательств, не опасных для жизни и здоровья лица. Разъяснения относительно оснований возникновения такого права содержатся в п. 3 Постановления Пленума ВС РФ № 19.

К таким основаниям в силу п. 3 указанного документа относятся побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья» [58].

К тому же, к рассматриваемому неопасному виду посягательства могут быть отнесены и иные деяния, как действия, так и бездействия, совершаемые

как умышленно, так и по неосторожности, которые могут иметь насильственный или ненасильственный характер, однако в силу своих особенностей, могут быть пресечены только способом причинения вреда. В качестве примеров такого посягательства в Постановлении ПВС РФ № 19 относит: «умышленное или неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества, приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, транспортных средств или путей сообщения» [58].

Кроме того, право на необходимую оборону возникает не только с момента начала посягательства, но и с момента возникновения его реальной угрозы. Реальность угрозы совершения таких действия, связана с готовностью виновного лица перейти к их непосредственному совершению. Также, как сказано в абз 3 п.3 Постановления ПВС РФ по делам рассматриваемой категории суд должен установить наличие оснований сделать вывод о реальности угрозы такого посягательства. Иными словами, подлежат оценки не объективная картина событий, а субъективное восприятие лицом возникшей ситуации с учётом факторов объективной реальности и их согласованности [58].

Правомерность необходимой обороны в теории уголовного права и в судебной практике также характеризуется еще двумя условиями: общественно опасное деяние должно быть наличным и действительным.

Наличность.

По общему правилу, общественно опасное посягательство признается наличным, если охраняемым объектам причиняется вред или существует угроза его неминуемого причинения.

Как отмечает Е.В. Герасимова, «одним из обязательных условий правомерности необходимой обороны является своевременность защиты. Это означает, что она должна соответствовать во времени общественно-опасному посягательству. «Преждевременная» и «запоздавшая» оборона не могут рассматриваться по правилам необходимой обороны, так как пределы своевременной необходимой обороны определяются начальными и

конечными моментами общественно-опасного посягательства» [13, с. 7]. Детальной критерий «наличности» общественно-опасного посягательства раскрыт в Постановлении Пленума ВС РФ, а именно, необходимая оборона допустима:

- с момента осуществления общественно опасного посягательства до момента его прекращения;
- когда посягательство еще не началось, но имеется реальная угроза такого посягательства, то есть когда посягающее лицо готово перейти к совершению соответствующего деяния;
- когда защита осуществляется непосредственно за актом хотя бы и оконченного посягательства, но исходя из обстоятельств, для оборонявшегося лица не ясен момент его окончания, и лицо ошибочно полагает, что посягательство продолжается;
- общественно опасное посягательство не прекращалось, а с очевидностью для оборонявшегося лица лишь приостанавливалось посягавшим лицом с целью создания наиболее благоприятной обстановки для продолжения посягательства или по иным причинам;
- при длящемся или продолжаемом посягательстве до момента его фактического окончания [66, с. 176-179].

С критерием наличия общественно-опасного посягательства связан спорный вопрос о допустимости необходимой обороны посредством обустройства по внешним периметрам жилища, другой собственности или в местах возможного проникновения посторонних, защитных механизмов (устройств), которые при попытке несанкционированного проникновения на территорию объекта собственности. Исходя из содержания нормы закона, точного ответа на этот вопрос не было. В последствии в 2012 году Пленум ВС РФ разрешил этот вопрос в сторону признания права на необходимую оборону, при условии её соразмерности, то есть действия такого характера, если они причинили вред нападавшему (проникающему в жилище) могли

быть определены как необходимая оборона или превышение пределов необходимой обороны.

Однако, у данной позиции высшей судебной инстанции существуют противники. Во-первых, мнение о недопустимости применения средств защиты автоматического характера, имело место ещё в советский период. В качестве примера можно привести И.И. Слуцкого [71, с. 44], В.Е. Козак и М.И. Якубович [29, с. 118; 88, с. 105-106]. В основном, аргументы относятся к тому, что автоматические защитные приспособления могут причинить вред намного больший, чем это предусмотрено правилами допустимости необходимой обороны, в том числе к лицу, которое в действительности не совершает общественно-опасные действия, кроме того, такие приспособления устанавливаются в тот момент, когда противоправное посягательство ещё не совершалось, т.е. действия обороняющегося лица не соответствуют критерию наличности посягательства.

Кроме того, высказываются критические замечания к вышеуказанной позиции ВС РФ. Например, Г.А. Есаков отмечает важность соблюдения таких критериев, как исключение возможности причинение вреда посторонним лицам, то есть тем, кто не совершает общественно-опасные деяния, при этом, лицо, установившее такие устройства приспособление должно действовать предусмотрительно, предвидя возможность наступления трагических последствий; необходимость отсутствия собственника в момент посягательства [13, с. 8]. Существуют и критические замечания, например, Г.А. Есаков, обращает внимание что Постановление Пленума ВС РФ признавая право на использование автоматических средств и приспособлений как способ необходимой обороны, отсылает только к общим положениям о необходимой обороны, однако не разъясняет особенности (частные правила) квалификации действий. Например, как быть если при защите собственности от преступных посягательств, при помощи таких устройств причиняется смерть посягающему [13, с. 8].

Рассматривая данный вопрос, отметим следующее. Представляется, что на законодательном уровне, или в результате обобщения судебной практики ВС РФ, урегулировать вопрос о всех аспектах применения специальных устройств и приспособлений автоматического срабатывания, не возможно. Например, утверждение о том, что любое причинение смерти в результате использования таких устройств при защите собственности образует превышение пределов необходимой обороны не верно, поскольку, попытка проникновения в жилище вооружённого лица, либо группы лиц, свидетельствует о намерении совершить разбойное нападение, которое, как известно, соединено с угрозой для жизни и здоровья потерпевшего. Кроме того, ник то не исключает проникновение в жилище в целях совершения таких тяжких преступлений, как похищение человека, несовершеннолетнего, в целях совершения убийства и т.п. При этом, мотивы совершения каждого из таких посягательств могут иметь имущественный характер, т.е. посягать и на собственность. В этой связи утверждение об однозначности превышения пределов необходимой обороны, неверны и данные обстоятельства должны устанавливаться в каждом конкретном случае на основе всестороннего изучения обстоятельств произошедшего.

Если же вред причиняется лицу, которое в действительности не совершало общественно-опасное посягательство, а последнему, в результате срабатывания соответствующих устройств и приспособлений, был причинён вред, то вопрос об ответственности лица, установившего такие приспособления, должен рассматриваться вне пределов института необходимой обороны.

В связи с вышеуказанным, также возникает вопрос о правильном толковании и понимании случаев использования в целях самообороны животных (как правило, собак). Как известно, гражданское законодательство относит их к вещам. Вряд ли последние с точки зрения уголовного права могут рассматриваться в качестве «автоматических устройств и приспособлений», однако табличка на заборе «осторожно, злая собака», очевидно, адресована

неопределённому кругу лиц, которые могут посягнуть как на собственность собственника собаки, так и на личную безопасность последнего и членов его семьи. При этом, в настоящее время существует возможность дрессировки собаки, привитие последней навыков по охране определённого объекта. Как представляется, случаи причинения вреда посягающему лицу, которые были причинены собаками или иными животными, принадлежащими на праве собственности определённому лицу, должны быть рассмотрены на предмет наличия или отсутствия в последних признаков необходимой обороны по аналогии с «автоматическими устройствами и приспособлениями».

Действительность посягательства означает его фактическое наличие в объективном мире, а не в воображении обороняющегося, в противном случае совершение действий, принятых за посягательство, в действительности не существующего, вызывает мнимую оборону, при которой вопрос об уголовной ответственности решается по правилам фактической ошибки. Также проблемными вопросами в настоящем случае выступает уголовно-правовая оценка так называемой «преждевременной» и «запоздалой» обороны. Рассмотрим их подробнее.

Упоминание о мнимой обороне находит свое отражение в п. 16 Постановления Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: «Судам необходимо различать состояние необходимой обороны и состояние мнимой обороны, когда отсутствует реальное общественно опасное посягательство и лицо ошибочно предполагает его наличие» [58] (п. 16).

Также, п. 16 вышеуказанного Постановления Пленума ВС РФ указывает на три варианта квалификации действия лица. В тех случаях, когда сложившаяся обстановка давала основание полагать обороняющемуся лицу о реальности общественно опасного посягательства, которое, в действительности не являлось таковым, однако лицо, не осознавало и не могло осознавать этого, такие действия являются мнимой обороной и, при наличии

на то соответствующих оснований, должно быть освобождено от уголовной ответственности, либо привлечено к таковой, за превышение пределов необходимой обороны (в случае превышение допустимых пределов необходимой обороны при посягательстве не опасном для жизни и здоровья). Во втором случае, когда обороняющееся лицо не осознавало, однако исходя из обстоятельств случившегося должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, действия последнего должны быть квалифицированы как неосторожное причинение вреда. В третьем случае, когда общественно опасного посягательства в действительности не существовало и обстановка не давала оснований полагать, что оно происходит, действия лица должны быть квалифицированы как умышленное преступление.

В.В. Меркурьев и А.А. Тараканов в результате анализа вышеуказанных оснований отмечают, что «при квалификации действий, совершенных в состоянии мнимой обороны, следует учитывать два критерия: 1) возможность и обязанность лица осознавать мнимость посягательства (субъективный критерий); 2) наличие обстановки, обуславливающей возможность совершения фактической ошибки относительно действительности посягательства (объективный критерий)» [33, с. 15-19].

При этом, для каждой из трех вышеуказанных ситуаций мнимой обороны общим является то, что обороняющееся лицо причиняет вред, ошибочно полагая, что имеет место реальное (действительное) посягательство. Таким образом, в основе каждой из рассматриваемой ситуации лежит фактическая ошибка обороняющегося лица относительно наличия общественно опасного посягательства.

Далее обратимся к проблеме превышения пределов необходимой обороны во времени (к так называемой «преждевременной» или «запоздалой» обороне). По этому поводу существует две принципиально различные позиции. Согласно первой точке зрения, превышение пределов необходимой обороны при несвоевременной обороне возможно [30, с. 11]. Среди

сторонников этой точки зрения нет единства мнений по поводу возможности превышения пределов необходимой обороны при преждевременной обороне, и часть из них такую возможность полностью отрицает. Так, Пионтковский А.А. под несвоевременной обороной понимает «совершение оборонительных действий уже после окончания нападения, если они не вызывались необходимостью задержания преступника» [47, с. 446]. Большинство ученых все же считают, что преждевременная и запоздалая защита не может рассматриваться ни как необходимая оборона, ни как превышение ее пределов [49, с. 90-91].

В настоящий момент Постановлением Пленума ВС РФ частично разрешён данный вопрос, поскольку в п. 8 указанного постановления, указано, что состояние необходимой обороны может иметь место в случаях, если оборона последовала сразу же после акта посягательства и исходя из обстоятельств, момент окончания такого посягательства не был ясен обороняющемуся лицу; когда в процессе совершения общественно опасного посягательства имел место перерыв и последнее могло (должно) было быть продолжено. Также отмечается, что сам по себе переход орудия (оружия) используемого при нападении к обороняющемуся не свидетельствует о прекращении обстановки необходимой обороны и для этого необходимо установить имелась ли реальная угроза продолжения нападения.

Далее рассмотрим условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к действиям обороняющегося лица.

Первое условие правомерности, относящиеся к защите - круг объектов защиты, т.е. тех охраняемых уголовным законом общественных отношений, которые можно защищать, прибегая к необходимой обороне путем причинения вреда посягающему лицу.

К таким объектам защиты можно отнести все объекты, указанные в ст. 2 УК РФ, охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды,

конституционного строя РФ от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества.

Если рассматривать понятия «объект защиты» и «объект уголовно-правовой охраны», то В.В. Меркурьев считает: «Категории «объект уголовно-правовой охраны» и «объект необходимой обороны» идентичны по объему и содержанию и, как мы считаем, являются шире категории «объект преступления» [33, с. 83]. С.В. Пархоменко же полагает: «Круг объектов обороны шире круга объектов уголовно-правовой охраны. Не случайно определение первых (ст. 37 УК) и вторых (ч. 1 ст. 2 УК) количественно и качественно различно: описание объектов обороны в тексте уголовного закона носит более общеправовой характер» [51, с. 135].

Стоит согласиться с мнением автора Л.М. Лисицы, полагавшего, что «не любое общественно опасное посягательство на объекты, перечисленные в ст. 2 УК РФ, оправдывает применение активной защиты. Необходимая оборона вполне допустима против общественно-опасных деяний, посягающих на объекты уголовно-правовой охраны, только при условии, что общественно опасное деяние сопряжено с насилием или непосредственной угрозой применения насилия, либо не носит насильственного характера, однако по своему содержанию может быть пресечено и предотвращено путем причинения посягающему вреда» [32, с. 71].

Большинство авторов отмечают, что в действующей редакции ч. 2. ст. 37 УК РФ, не закреплена защита объектов, которые допустимо защищать по правилам о необходимой обороне, при защите от посягательств не сопряженных с насилием, опасным для жизни. Мы также считаем, что данный недостаток необходимо устранить путем их указания в ч. 2. ст. 37 УК РФ.

Вторым условием правомерности акта необходимой обороны, относящиеся к защите, является причинение вреда только посягающему лицу. Данное условие закреплено в ч. 1 ст. 37 УК РФ, а также в постановлении Пленума ВС РФ.

По этому вопросу заслуживает внимания позиция Д.М. Васина, который отмечал: «Это правило сформулировано не вполне корректно, ибо не охватывает случаев, когда во время посягательства имущественный вред причиняется третьим лицам, прямо или косвенно связанным с посягающим лицом. Например, обороняющийся повреждает или уничтожает орудие посягательства (транспортное средство, животное, оружие, с помощью которых совершается посягательство), находящееся в фактическом, в том числе и незаконном, владении посягающего лица, единоличным собственником которого сам посягающий не является либо при обременении данного имущества правами третьих лиц (ограниченное вещное право, право залога, иные права требования)» [9, с. 141].

Причинение при защите вреда не самому посягающему, а кому-либо из третьих лиц в связи с фактической ошибкой или отклонением действия, исключает в действиях обороняющегося необходимую оборону [38, с. 80].

В науке уголовного права выделяются три варианта квалификации случая причинения вреда третьим лицам при совершении акта необходимой обороны:

- Обороняющийся причиняет вред третьему лицу, ошибочно принимая его за посягающего. Содеянное представляет собой одну из разновидностей мнимой обороны.
- Возможны случаи, когда при необходимой обороне, произошло отклонение в действии, в результате чего вред причинен третьему лицу. В случае причинения вреда третьим лицам при совершении акта необходимой обороны, когда имеет место отклонение в действии, речь может идти о квалификации содеянного как по неосторожности, поскольку, отклонение в действии, происходит не по воле виновного, умысел на причинение вреда исключается, так и о невиновном причинении вреда, в случаях, когда виновный не предвидел возможности наступления общественно опасных

последствий и по обстоятельствам дела не должен был и не мог их предвидеть.

- Обороняющийся может сознательно причинить вред третьему лицу, с целью устранить опасность. В таком случае содеянное должно быть квалифицировано по правилам о крайней необходимости [32, с. 79-80].

При совершении акта необходимой обороны, обороняющемуся по своему характеру может быть причинен как физический, так и имущественный вред [66, с. 140-144].

Третье условие данной группы -защита должна соответствовать характеру и опасности посягательства, либо отсутствовать превышения пределов необходимой обороны, т.е. умышленных действий, которые не соответствуют характеру и степени общественно-опасного посягательства [66, с. 140-144]. Относительно данного критерия отметим, что его раскрытие фактически предполагает анализ критериев превышения пределов необходимой обороны, которые были рассмотрены нами в предыдущих разделах настоящего исследования.

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика состава умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, совершенного при превышении пределов необходимой обороны

2.1 Понятие тяжкого вреда здоровью и ответственность за его причинение в Уголовном кодексе Российской Федерации

Уясним, что непосредственно представляет собой понятие причинение вреда здоровью. В науке существуют различные подходы к определению данного термина «здоровье», в дискуссию о точном содержании которого мы не будем вдаваться. В настоящей главе для решения поставленных в ней задач, укажем на то, что здоровье представляет собой состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только лишь отсутствие болезней или физических дефектов (Преамбула Устава Всемирной организации здоровья [81]). Как видим, в этой дефиниции названы три самостоятельных уровня рассмотрения категории «здоровье»: биологический (физиологический), психологический и социальный. Нас же в первую очередь интересует понятие физиологического здоровья человека. В медицинской литературе отмечается, что в самых общих чертах здоровье на биологическом уровне можно охарактеризовать как состояние, которое в свою очередь является противоположным болезненному состоянию. При этом следует понимать, что здоровье не имеет каких – либо четких границ, так как включает в себя различные переходные состояния.

Согласно одной из научных дефиниций здоровье представлено в виде естественного состояния организма, которое в свою очередь характеризуется полной уравновешенностью с внешней средой (биосферой) и непосредственным отсутствием каких-либо выраженных болезненных изменений.

В уголовном праве и судебной медицине под здоровьем понимается определенное объективное физиологическое состояние человека, которое имело место до совершения преступления. Вред здоровью имеет

качественную, а также и количественную характеристики. Качество (характер) вреда определяется формой патологии, которая непосредственно была причинена структуре организма [3, с. 13].

Также, под вредом, который был причинен здоровью человека, следует понимать нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды.

Уголовным законом причинение тяжкого вреда здоровью отнесено к категории тяжких преступлений, а при наличии особо отягчающих обстоятельств - к категории особо тяжких преступлений. Повышенная общественная опасность этого преступления заключается в тяжести самого деяния, наступивших последствиях и, наконец, в распространенности таких деяний. Умышленно причиняя тяжкий вред здоровью, субъект преступления посягает на одно из самых ценных достоинств личности - ее здоровье, причиняя тем самым непоправимый урон [25, с. 125].

При этом вред, который был причинен здоровью человека, определяется в свою очередь в зависимости от степени его тяжести (тяжкий вред, средней тяжести вред и легкий вред) на основании существующих квалифицирующих признаков и в соответствии с медицинскими критериями определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утверждаемыми Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

Квалифицирующими признаками тяжести вреда, которое было причинено здоровью человека, являются:

- «а) в отношении тяжкого вреда:
 - вред, опасный для жизни человека;
 - потеря зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрата органом его функций;
 - прерывание беременности;
 - психическое расстройство;

- заболевание наркоманией либо токсикоманией;
- неизгладимое обезображивание лица;
- значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть;

- полная утрата профессиональной трудоспособности;...»

Для определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, достаточно наличия одного из квалифицирующих признаков. При наличии нескольких квалифицирующих признаков тяжесть вреда, причиненного здоровью человека, определяется по тому признаку, который соответствует большей степени тяжести вреда.

Степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, определяется врачом - судебно-медицинским экспертом медицинского учреждения либо индивидуальным предпринимателем, обладающим специальными знаниями и имеющим лицензию на осуществление медицинской деятельности, включая работы (услуги) по судебно-медицинской экспертизе [52].

Также, следует обратить внимание на то, что существуют определенные критерии, которые указывают на наличие оснований признаков причинения тяжкого вреда здоровью.

Среди данных критериев выделяют:

Во-первых, вред здоровью, опасный для жизни человека, создающий непосредственно угрозу для жизни:

- рана головы (волосистой части, века и окологлазничной области, носа, уха, щеки и височно-нижнечелюстной области, других областей головы), проникающая в полость черепа, в том числе без повреждения головного мозга;
- перелом свода (лобной, теменной костей) и (или) основания черепа: черепной ямки (передней, средней или задней) или затылочной кости, или верхней стенки глазницы, или решетчатой кости, или клиновидной кости, или височной кости, за исключением изолированной трещины наружной костной пластинки свода черепа

- и переломов лицевых костей: носа, нижней стенки глазницы, слезной косточки, скуловой кости, верхней челюсти, альвеолярного отростка, небной кости, нижней челюсти;
- внутричерепная травма: размозжение вещества головного мозга; диффузное аксональное повреждение головного мозга; ушиб головного мозга тяжелой степени; травматическое внутримозговое или внутрижелудочковое кровоизлияние; ушиб головного мозга средней степени или травматическое эпидуральное, или субдуральное, или субарахноидальное кровоизлияние при наличии общемозговых, очаговых и стволовых симптомов;
 - рана шеи, проникающая в просвет глотки или гортани, или шейного отдела трахеи, или шейного отдела пищевода; ранение щитовидной железы;
 - перелом хрящей гортани: щитовидного или перстневидного, или черпаловидного, или надгортанного, или рожковидного, или трахеальных хрящей;
 - перелом шейного отдела позвоночника: перелом тела или двусторонний перелом дуги шейного позвонка, или перелом зуба II шейного позвонка, или односторонний перелом дуги I или II шейных позвонков, или множественные переломы шейных позвонков, в том числе без нарушения функции спинного мозга;
 - вывих одного или нескольких шейных позвонков; травматический разрыв межпозвоночного диска на уровне шейного отдела позвоночника со сдавлением спинного мозга;
 - ушиб шейного отдела спинного мозга с нарушением его функции;
 - рана грудной клетки, проникающая в плевральную полость или в полость перикарда, или в клетчатку средостения, в том числе без повреждения внутренних органов;
 - закрытое повреждение (размозжение, отрыв, разрыв) органов грудной полости: сердца или легкого, или бронхов, или грудного

- отдела трахеи; травматический гемоперикард или пневмоторакс, или гемоторакс, или гемопневмоторакс; диафрагмы или лимфатического грудного протока, или вилочковой железы;
- множественные двусторонние переломы ребер с нарушением анатомической целостности каркаса грудной клетки или множественные односторонние переломы ребер по двум и более анатомическим линиям с образованием подвижного участка грудной стенки по типу «реберного клапана»;
 - перелом грудного отдела позвоночника: перелом тела или дуги одного грудного позвонка с нарушением функции спинного мозга, либо нескольких грудных позвонков;
 - вывих грудного позвонка; травматический разрыв межпозвоночного диска в грудном отделе со сдавлением спинного мозга;
 - ушиб грудного отдела спинного мозга с нарушением его функции;
 - рана живота, проникающая в брюшную полость, в том числе без повреждения внутренних органов;
 - закрытое повреждение (размозжение, отрыв, разрыв): органов брюшной полости - селезенки или печени, или (и) желчного пузыря, или поджелудочной железы, или желудка, или тонкой кишки, или ободочной кишки, или прямой кишки, или большого сальника, или брыжейки толстой и (или) тонкой кишки; органов забрюшинного пространства - почки, надпочечника, мочеточника;
 - рана нижней части спины и (или) таза, проникающая в забрюшинное пространство, с повреждением органов забрюшинного пространства: почки или надпочечника, или мочеточника, или поджелудочной железы, или нисходящей и горизонтальной части двенадцатиперстной кишки, или восходящей и нисходящей ободочной кишки;

- перелом пояснично-крестцового отдела позвоночника: тела или дуги одного либо нескольких поясничных и (или) крестцовых позвонков с синдромом «конского хвоста»;
- вывих поясничного позвонка; травматический разрыв межпозвоночного диска в поясничном, пояснично-крестцовом отделе с синдромом «конского хвоста»;
- ушиб поясничного отдела спинного мозга с синдромом «конского хвоста»;
- повреждение (размозжение, отрыв, разрыв) тазовых органов: открытое и (или) закрытое повреждение мочевого пузыря или перепончатой части мочеиспускательного канала, или яичника, или маточной (фаллопиевой) трубы, или матки, или других тазовых органов (предстательной железы, семенных пузырьков, семявыносящего протока);
- рана стенки влагалища или прямой кишки, или промежности, проникающая в полость и (или) клетчатку малого таза;
- двусторонние переломы переднего тазового полукольца с нарушением непрерывности: переломы обеих лобковых и обеих седалищных костей типа «бабочки»; переломы костей таза с нарушением непрерывности тазового кольца в заднем отделе: вертикальные переломы крестца, подвздошной кости, изолированные разрывы крестцово-подвздошного сочленения; переломы костей таза с нарушением непрерывности тазового кольца в переднем и заднем отделах: односторонние и двусторонние вертикальные переломы переднего и заднего отделов таза на одной стороне (перелом Мальгенья); диагональные переломы - вертикальные переломы в переднем и заднем отделах таза на противоположных сторонах (перелом Воллюмье); различные сочетания переломов костей и разрывов сочленений таза в переднем и заднем отделах;

- рана, проникающая в позвоночный канал шейного или грудного, или поясничного, или крестцового отдела позвоночника, в том числе без повреждения спинного мозга и «конского хвоста»;
- открытое или закрытое повреждение спинного мозга: полный или неполный перерыв спинного мозга; разможнение спинного мозга;
- повреждение (разрыв, отрыв, рассечение, травматическая аневризма) крупных кровеносных сосудов: аорты или сонной артерии (общей, наружной, внутренней), или подключичной, или подмышечной, или плечевой, или подвздошной (общей, наружной, внутренней), или бедренной, или подколенной артерий и (или) сопровождающих их магистральных вен;
- тупая травма рефлексогенных зон: области гортани, области каротидных синусов, области солнечного сплетения, области наружных половых органов при наличии клинических и морфологических данных;
- термические или химические, или электрические, или лучевые ожоги III-IV степени, превышающие 10% поверхности тела; ожоги III степени, превышающие 15% поверхности тела; ожоги II степени, превышающие 20% поверхности тела; ожоги меньшей площади, сопровождавшиеся развитием ожоговой болезни; ожоги дыхательных путей с явлениями отека и сужением голосовой щели;
- отморожения III-IV степени с площадью поражения, превышающей 10% поверхности тела; отморожения III степени с площадью поражения, превышающей 15% поверхности тела; отморожения II степени с площадью поражения, превышающей 20% поверхности тела;
- лучевые поражения, проявляющиеся острой лучевой болезнью тяжелой и крайне тяжелой степени.

Во-вторых, вред здоровью, опасный для жизни человека, вызвавший расстройство жизненно важных функций организма человека, которое не

может быть компенсировано организмом самостоятельно и обычно заканчивается смертью (далее - угрожающее жизни состояние):

- шок тяжелой (III-IV) степени;
- кома II-III степени различной этиологии;
- острая, обильная или массивная кровопотери;
- острая сердечная и (или) сосудистая недостаточность тяжелой степени, или тяжелая степень нарушения мозгового кровообращения;
- острая почечная или острая печеночная, или острая надпочечниковая недостаточность тяжелой степени, или острый панкреонекроз;
- острая дыхательная недостаточность тяжелой степени;
- гнойно-септическое состояние: сепсис или перитонит, или гнойный плеврит, или флегмона;
- расстройство регионального и (или) органного кровообращения, приводящее к инфаркту внутреннего органа или гангрене конечности; эмболия (газовая, жировая, тканевая, или тромбоемболии) сосудов головного мозга или легких;
- острое отравление химическими и биологическими веществами медицинского и немедицинского применения, в том числе наркотиками или психотропными средствами, или снотворными средствами, или препаратами, действующими преимущественно на сердечно-сосудистую систему, или алкоголем и его суррогатами, или техническими жидкостями, или токсическими металлами, или токсическими газами, или пищевое отравление, вызвавшее угрожающее жизни состояние;
- различные виды механической асфиксии; последствия общего воздействия высокой или низкой температуры (тепловой удар, солнечный удар, общее перегревание, переохлаждение организма); последствия воздействия высокого или низкого атмосферного давления (баротравма, кессонная болезнь); последствия воздействия

технического или атмосферного электричества (электротравма); последствия других форм неблагоприятного воздействия (обезвоживание, истощение, перенапряжение организма), вызвавшие угрожающее жизни состояние.

В-третьих, потеря зрения - полная стойкая слепота на оба глаза или такое необратимое состояние, когда в результате травмы, отравления либо иного внешнего воздействия у человека возникло ухудшение зрения, что соответствует остроте зрения, равной 0,04 и ниже.

Потеря зрения на один глаз оценивается по признаку стойкой утраты общей трудоспособности.

Посттравматическое удаление одного глазного яблока, обладавшего зрением до травмы, также оценивается по признаку стойкой утраты общей трудоспособности.

Определение степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в результате потери слепого глаза проводится по признаку длительности расстройства здоровья.

В-четвертых, потеря речи - необратимая потеря способности выразить мысли членораздельными звуками, понятными для окружающих.

В-пятых, потеря слуха - полная стойкая глухота на оба уха или такое необратимое состояние, когда человек не слышит разговорную речь на расстоянии 3-5 см. от ушной раковины.

Потеря слуха на одно ухо оценивается по признаку стойкой утраты общей трудоспособности.

В-шестых, потеря какого-либо органа или утрата органом его функций:

- потеря руки или ноги, т.е. отделение их от туловища или стойкая утрата ими функций (паралич или иное состояние, исключаящее их функции); потеря кисти или стопы приравнивается к потере руки или ноги;
- потеря производительной способности, выражающаяся у мужчин в способности к совокуплению или оплодотворению, у женщин - в

способности к совокуплению или зачатию, или вынашиванию, или деторождению;

– потеря одного яичка.

В-седьмых, прерывание беременности - прекращение течения беременности независимо от срока, вызванное причиненным вредом здоровью, с развитием выкидыша, внутриутробной гибелью плода, преждевременными родами либо обусловившее необходимость медицинского вмешательства.

Прерывание беременности в результате заболеваний матери и плода должно находиться в прямой причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью и не должно быть обусловлено индивидуальными особенностями организма женщины и плода (заболеваниями, патологическими состояниями), которые имелись до причинения вреда здоровью.

Если внешние причины обусловили необходимость прерывания беременности путем медицинского вмешательства (выскабливание матки, кесарево сечение и прочее), то эти повреждения и наступившие последствия приравниваются к прерыванию беременности и оцениваются как тяжкий вред здоровью.

В-восьмых, психическое расстройство, возникновение которого должно находиться в причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью, т.е. быть его последствием.

В-девятых, заболевание наркоманией либо токсикоманией.

В-десятых, неизгладимое обезображивание лица.

Степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, выразившегося в неизгладимом обезображивании его лица, определяется судом.

Производство судебно-медицинской экспертизы ограничивается лишь установлением неизгладимости данного повреждения, а также его медицинских последствий в соответствии с Медицинскими критериями.

Под неизгладимыми изменениями следует понимать такие повреждения лица, которые с течением времени не исчезают самостоятельно (без хирургического устранения рубцов, деформаций, нарушений мимики и прочее, либо под влиянием нехирургических методов) и для их устранения требуется оперативное вмешательство (например, косметическая операция).

В-одиннадцать, значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть (стойкая утрата общей трудоспособности свыше 30 процентов).

К тяжкому вреду здоровья, вызывающему значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть, независимо от исхода и оказания (неоказания) медицинской помощи, относят следующие повреждения:

- открытый или закрытый перелом плечевой кости: внутрисуставной (головки плеча) или околосуставной (анатомической шейки, под - и чрезбугорковый), или хирургической шейки или диафиза плечевой кости;
- открытый или закрытый перелом костей, составляющих локтевой сустав;
- открытый или закрытый перелом-вывих костей предплечья: перелом локтевой в верхней или средней трети с вывихом головки лучевой кости (перелом-вывих Монтеджа) или перелом лучевой кости в нижней трети с вывихом головки локтевой кости (перелом-вывих Галеацци);
- открытый или закрытый перелом вертлужной впадины со смещением;
- открытый или закрытый перелом проксимального отдела бедренной кости: внутрисуставной (перелом головки и шейки бедра) или внесуставной (межвертельный, чрезвертельный переломы), за исключением изолированного перелома большого и малого вертелов;

- открытый или закрытый перелом диафиза бедренной кости;
- открытый или закрытый перелом костей, составляющих коленный сустав, за исключением надколенника;
- открытый или закрытый перелом диафиза большеберцовой кости;
- открытый или закрытый перелом лодыжек обеих берцовых костей в сочетании с переломом суставной поверхности большеберцовой кости и разрывом дистального межберцового синдесмоза с подвывихом и вывихом стопы;
- компрессионный перелом двух и более смежных позвонков грудного или поясничного отдела позвоночника без нарушения функции спинного мозга и тазовых органов;
- открытый вывих плеча или предплечья, или кисти, или бедра, или голени, или стопы с разрывом связочного аппарата и капсулы сустава.

Стойкая утрата общей трудоспособности в иных случаях определяется в процентах, кратных пяти, в соответствии с Таблицей процентов стойкой утраты общей трудоспособности в результате различных травм, отравлений и других последствий воздействия внешних причин, прилагаемой к настоящим Медицинским критериям [53].

Таким образом, к повреждениям, которые в свою очередь являются опасными для жизни в момент их причинения, относят: проникающие раны черепа, позвоночника, груди, брюшной полости; повреждения крупных кровеносных сосудов, закрытые и открытые переломы костей черепа, длинных трубчатых костей и т.п.

Прерывание беременности должно находиться в причинной связи с действиями виновного, так же как и психическое расстройство, которое последовало за причиненными повреждениями.

Заболевание наркоманией или токикоманией означает, что потерпевший был приобщен виновным лицом к систематическому

употреблению наркотических средств и их аналогов или токсических веществ и субъект преступления делал это осознанно и целенаправленно.

Не изгладимое обезображивание лица не относится к прерогативе экспертов-медиков. Если повреждение на лице признается экспертом неизгладимым, только суд принимает окончательное решение о том, что у лица безобразный, отталкивающий вид.

Тяжким вредом здоровью будут признаваться и другие телесные повреждения, которые привели к значительной стойкой утрате трудоспособности (не менее чем на 1/3) либо к заведомо для виновного полной утрате профессиональной трудоспособности. Заведомость в этом случае означает, что виновный действует только с прямым умыслом и непосредственно стремится лишить потерпевшего его профессиональных качеств. В статьях о преступлениях рассматриваемой категории встречаются и оценочные понятия, которые не раскрываются в УК и нуждаются в судебном толковании.

В настоящее время, уголовная ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью в УК РФ предусмотрена несколькими нормами: ст. 111 УК РФ (умышленное причинения тяжкого вреда здоровью), ст. 113 УК РФ (причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта), ст. 114 УК РФ (причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление), ст. 118 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности).

2.2 Объективные признаки состава причинения тяжкого вреда здоровью при превышении необходимой обороны

Объективными признаками преступления являются объект преступления и его объективная сторона.

Рассмотрим перечисленные признаки подробнее.

Родовым объектом умышленного причинения тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, непосредственно является спектр общественных отношений в сфере защиты личности. В свою очередь, видовым объектом являются общественные отношения в сфере защиты жизни и здоровья граждан. В случае с ч. 1 ст. 114 УК РФ, видовой и непосредственный объекты совпадают. В свою очередь, по мнению Сверчкова В.В., видовым объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 114 УК РФ является здоровье другого человека.

В свою очередь, согласно позиции, изложенной в учебнике под общей редакцией В.В. Сверчкова, непосредственным объектом данного состава преступления являются общественные отношения, которые складываются по поводу сохранения здоровья человека в качестве целостного анатомического состояния организма [70]. Питулько К.В. и Коряковцев В.В. придерживаются точки зрения, что объектом преступления, предусмотренного ст. 114 УК РФ непосредственно являются общественные отношения, которые, в свою очередь, обеспечивают безопасность здоровья граждан [50, с. 33].

Как мы можем наблюдать, среди учёных имеется несколько подходов к определению объекта рассматриваемого преступления: одни в качестве такового указывают на благо в виде здоровья человека, вторые – на совокупность общественных отношений, связанных с обеспечением здоровья человека. Различие данного подхода, как представляется, обусловлено наличием в уголовно-правовой науке двух концепций (подходов) к пониманию объекта преступления (уже обозначенная «концепция блага» и «концепция общественных отношений»).

В то же время ряд авторов полагает, что непосредственно объектом причинения тяжкого вреда здоровью является телесная неприкосновенность личности. Данная точка зрения была высказана профессорами Пусторослевым П.П., Жижиленко А.А., Вышинской З.А., Ореховым В.В.

Иное мнение в уголовно – правовой литературе высказал Гродзинский М.М., утверждая, что телесная неприкосновенность может быть нарушена без всякого повреждения тела, тогда как само понятие тяжкого причинения вреда здоровью предполагает материальный (физический), поддающийся установлению вред, при этом телесное повреждение может быть причинено и без нарушения телесной неприкосновенности. Примером может служить психическое заболевание в результате испуга. Также, Гродзинский М.М. считал объектом тяжкого телесного повреждения тело иного человека, так как объект преступления в форме общественных отношений при таком толковании остаётся скрытым.

Следует также обратить внимание на то, что концепция признания объектом тяжкого телесного повреждения тело другого человека не способна в свою очередь обосновать разграничение преступлений, которые связаны с нарушением телесной целостности (разбой, бандитизм, аборт, нарушение правил техники безопасности и т. д.). Следовательно, тело человека само по себе никак не может являться объектом преступных посягательств, противозаконное причинение тяжкого телесного повреждения преследуется в уголовном порядке не потому, что оно воздействует на тело человека, а потому, что оно наносит ущерб здоровью отдельных граждан и тем самым интересам общества в целом. Автор данной концепции Гуревич Л.И. для обоснования своей позиции указывает, что статьями о телесных повреждениях законодатель охраняет здоровье граждан вне зависимости от деятельности, способностей и прочих особенностей. Данный довод представляется не совсем убедительным, так как по справедливому замечанию профессора Никифорова Б.С., равенство граждан перед законом является общественной

категорией, которая в свою очередь имеет политическую, а не анатомо-патологическую базу.

При признании объектом преступления здоровья как биологического явления, невозможно ответить на вопрос, почему именно причинение телесных повреждений самому себе по своей специфике не являются, как правило, преступлениями в уголовно правовом порядке и преследуются только тогда, когда ими причиняется ущерб какому – либо иному общественному отношению.

В связи с изложенным наиболее правильной представляется позиция профессоров Пионтковского А.А., Шаргородского М.Д., которые считали объектом тяжкого вреда здоровью непосредственное здоровье человека, сущность которого составляет общественные отношения, точнее, здоровье человека, как необходимое условие физического существования, нормальной трудовой деятельности и отдыха. В тех случаях, когда тяжкий вред здоровью выражается в неизгладимом обезображивании лица, объектом преступного посягательства, определяющим его общественную опасность, является не здоровье потерпевшего, а красота его лица [82].

Потерпевшим от данных преступных посягательств может быть любое физическое лицо, которое осуществляет общественно опасное посягательство, не связанное с угрозой жизни и здоровью объекта на которого оно направлено [82]. Это объясняется тем, что уголовно-правовой закон не предусматривает каких-либо пределов необходимой обороны для случаев посягательства сопряжённого с угрозой жизни человека.

Объективная сторона: по ч. 1 ст. 114 УК РФ состоит в причинении тяжкого вреда здоровью посягающего при защите от общественно опасного посягательства, но с превышением пределов необходимой обороны, т.е. при явном несоответствии защиты характеру и степени общественной опасности посягательства.

Объективная сторона преступления.

Далее рассмотрим объективную сторону данного вида преступления, которая выражена в неправомерном, противоправном причинении тяжкого вреда здоровью в условиях превышения пределов необходимой обороны. Необходимо также отметить, что обязательным признаком объективной стороны в данном случае выступает обстановка (состояние) необходимой обороны. Если такая обстановка отсутствует, то и не возможно говорить, о превышении пределов необходимой обороны. Такие действия должны квалифицироваться по другим составам преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью.

Следует подчеркнуть, что непосредственными признаками умышленного причинения тяжкого вреда здоровью являются:

- наличие обстановки необходимой обороны, которая характеризуется противоправными действиями лица, которому причиняется вред;
- преступное деяние, которое в свою очередь выражено в форме действия или бездействия;
- наступление общественно – опасных последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью в условиях превышения пределов необходимой обороны;
- наличие причинной связи между деянием и преступным последствием.

Обычно причинение тяжкого вреда здоровью совершается путем действия, то есть физического или психического воздействия на потерпевшее лицо. Путем бездействия такое преступление непосредственно может быть совершено в том случае, если виновное лицо умышленно не выполнил каких – либо действий, которое обязано было выполнить (например, не предоставил потерпевшему необходимых лекарственных средств) [50, с. 33-34]. Однако, возможность совершения таких действия в случае, предусмотренном ч. 1 ст. 114 УК РФ видится маловероятным.

Таким образом, непосредственно объективная сторона умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, как правило, характеризуется наличием

обязательных признаков, которые позволяют говорить о называемых материальных составах. Речь идёт о деянии (в форме действия), и о наличии вредных последствий для здоровья потерпевшего в виде указанных законодателем последствий, квалифицируемых как тяжкий вред здоровью в условиях имевшей место превышения пределов необходимой обороны и о причинно-следственной связи между деяниями и последствиями, которую необходимо каждый раз устанавливать с помощью экспертов.

В качестве примера из судебной практики рассмотрим

Приговор Верх-Исетский районный суд г. Екатеринбурга Свердловской области от 29 июля 2020 г. по делу № 1-226/2020 [60], согласно которого действия обвиняемой изначально квалифицированы стороной обвинения как неоконченное покушение на умышленное убийство, были переквалифицированы судом на ч. 1 ст. 114 УК РФ.

Интересующая нас объективная сторона в действиях осужденной заключалась в следующем. Обстановка необходимой обороны была обусловлена противоправным насильственным посягательством гражданского супруга осуждённой на последнюю, которое осуществлялось в квартире, в отсутствие третьих лиц, при этом потерпевший находился в состоянии алкогольного опьянения. Дополнительной характеристикой обстановки совершения преступления являлось то, что сожитель ранее неоднократно избивал осужденную, в том числе, в момент совершения преступления.

Процитируем решение суда: «после нанесения Абашевой телесных повреждений, ФИО18 взял нож и направился в комнату, где находилась ФИО18, при этом направляя лезвие ножа на нее. Видя агрессивно настроенного потерпевшего, с учетом предшествующих событий и сложившейся обстановки, когда на выходе из комнаты, где находилась Абашева, стоит потерпевший с ножом в руке, у Абашевой были реальные основания опасаться за свою жизнь и здоровье» [60]. Обратим внимание на некоторую противоречивость вывода суда с конечной квалификацией,

поскольку в данном случае суд указывает на наличие реальной опасности для жизни потерпевшей, учитывая наличие в руках ножа, с другой стороны далее по тексту: «вместе с тем, поскольку ФИО18 осознавала, что тот вред, который она причиняет потерпевшему не был необходим для предотвращения или пресечения действий ФИО18, в соответствии с требованиями уголовного закона, ее действия следует расценивать как совершенные при превышении пределов необходимой обороны, поскольку применение ею ножа явно не соответствовало характеру и степени общественной опасности посягательства» [60].

Представляется что в данном случае имеет место неправильное применение закона, поскольку ст. 37 УК РФ не устанавливает какие-либо пределы необходимой обороны при посягательстве опасном для жизни обороняющегося. Тем более противоположные примеры в судебной практике имеются, когда похожие случаи бытового насилия, в ходе которых одно лицо изначально причиняло побои, а потом демонстрировала нож и готовность его применить в отношении обороняющегося. Например, постановлением Свердловского областного суда от 22 июля 2015 года по делу № 44у-126/2015 [61] уголовное дело в отношении подсудимой было прекращено в связи с тем, что в действиях последней была установлена необходимая оборона. В процессе рассмотрения дела было установлено, что потерпевший перед тем, как ему была причинена смерть не менее чем на протяжении двух часов подряд избивал осуждённую, наносил последней удары руками и ногами, приставлял нож к жизненно важным органам, совершал иные действия насильственного характера. В последствии, он лёг на диван и положил нож рядом с собой. Подсудимая схватила нож и нанесла потерпевшему смертельные ранения. Данные действия были признаны необходимой обороной.

2.3 Субъективные признаки состава причинения тяжкого вреда здоровью при превышении необходимой обороны

Субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 114 УК РФ может быть только физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16 лет, которые непосредственно обладают способностью осознавать фактический характер своих действий (бездействия) и непосредственно руководить ими, то есть только вменяемые лица.

К основным признакам субъекта преступления относятся:

- признак физического лица, то есть субъектом рассматриваемого преступления может быть только человек (физическое лицо)
- признак вменяемости, то есть на момент совершения общественно – опасного деяния в виде причинения тяжкого вреда здоровью физическое лицо (человек) должен был полностью осознавать общественно – опасный характер своих действий и полностью руководить ими
- признак наличия соответствующего возраста на момент совершения преступления (ст. 19 УК РФ), то есть физическому лицу на момент совершения преступления должно быть четырнадцать лет.

Применительно к субъекту преступления ни в законе, ни в научной литературе, ни в судебной практике, отсутствуют какие-либо специальные требования. В результате анализа судебных решений, установлено, что одной из наиболее типичных ситуаций превышения пределов необходимой обороны, сопряжённое с причинением тяжкого вреда здоровью является ситуация с защитой женщины, то есть лица женского пола, от домашнего насилия со стороны мужчины [60]. Однако, утверждать о том, что именно лицо женского пола чаще всего совершает данное преступление, оснований не имеется.

Субъективная сторона преступления. Согласно точки зрения Рарога А.И. субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме умысла, прямого или косвенного. Виновный осознает, что посягает на

здоровье потерпевшего, предвидит возможность или неизбежность причинения тяжкого вреда здоровью в виде одного из указанных выше последствий и желает их (при прямом умысле) или не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично (при косвенном умысле).

По аналогии целесообразно также решать вопросы о квалификации содеянного, если виновный действует с неконкретизированным умыслом. Если же виновное лицо непосредственно действует с прямым конкретизированным умыслом, которое в свою очередь непосредственно направлено на причинение тяжкого вреда здоровью, но по не зависящим от него обстоятельствам был причинен средней тяжести или легкий вред, то содеянное должно квалифицироваться как покушение на причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 114 УК).

Неосторожная форма вины относительно последствий в виде тяжкого вреда здоровью нападавшего в условиях необходимой обороны, исключает возможную уголовную ответственность по ч. 1 ст. 114 УК РФ. Это связано с тем, что рассматриваемое преступление может быть совершено исключительно умышленно [64, с. 51].

В этой связи при квалификации действий обороняющегося лица необходимо разграничивать косвенный умысел в превышении пределов необходимой обороны и преступное легкомыслие как неосторожное причинение тяжкого вреда.

В соответствии с ч. 2 ст. 26 УК РФ, преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий.

В частности, он считает, что легкомыслие имеет следующую совокупность признаков:

- Осознание фактических признаков преступного действия или бездействия и имело возможность и обязанность сознавать его общественно опасный характер.
- Предвидение возможности наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия.
- Расчёт на предотвращение этих последствий.
- Расчёт имел легкомысленный, или, в современной терминологии, самонадеянный характер, отчего и наступили последствия [14, с. 215-218].

В легкомысленном поведении, как сознательном, имеется волевая направленность, мотив и цель. Вместе с тем, направленность, мотив и цель не охватывают общественно-опасного последствия в силу уверенности субъекта в том, что последствие не наступит. В ряде случаев целью субъекта является предотвращение вредных последствий, а одним из мотивов – не наступление последствий.

В свою очередь, согласно ч. 3 ст. 25 УК РФ, под косвенным умыслом понимается такое внутреннее отношение лица, которое заключается в осознании общественной опасности деяния (действия или бездействия), предвидении возможности наступления общественно опасных последствий, не желании, однако, сознательном допущении таких последствий или в отношении к ним с безразличием.

Таким образом, разграничение косвенного умысла как элемента состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 114 УК РФ и преступного легкомыслия, исключаяющего ответственность по данному норме, заключается в том, что в первом случае лицо сознательно допускает наступления последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью нападавшего, либо относится к ним безразлично, а в случае с легкомыслием – легкомысленно или самонадеянно рассчитывает что такие последствия не наступят.

Мотивы и цель данного преступления могут быть разнообразными в силу отсутствия на это прямого указания в ч. 1 ст. 114 УК РФ. С другой

стороны, наличие обстановки совершения преступления в виде необходимой обороны, говорит о том, что виновное лицо, совершая преступные действия, преследует целью защиту себя, других лиц или других охраняемых законом благ, однако, применяет при этом чрезмерную силу. Иными словами, мотивы и цель совершения действий, предусмотренных ч. 1 ст. 114 УК РФ заключается в обороне от преступного посягательства.

Таким образом, с субъективной стороны причинение вреда здоровью совершается умышленно. При этом лицо осознает, что своими действиями (бездействием) непосредственно посягает на здоровье другого человека, предвидит возможность или неизбежность причинения тяжкого вреда здоровью и желает их (прямой умысел) либо не желает, а лишь бессознательно допускает эти последствия или относится к ним безразлично (косвенный умысел). Умысел может быть и неконкретизированным, в этом случае деяние виновного квалифицируется по фактически наступившим последствиям [82].

Также, следует подчеркнуть, что в практической деятельности органы предварительного следствия и органы судебной власти не всегда правильно определяют форму вины умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и умышленного убийства, что в свою очередь является проблемой в правоприменительной практике и непосредственно приводит к неправильной квалификации преступного деяния.

Так, например, речь идет о двойной («смешанной», «сложной») форме вины, которое выражается в различном психическом отношении в форме умысла и неосторожности по отношению к деянию и его последствиям при совершении лицом одного преступления. Преступления с двумя формами вины отличаются особой конструкцией составов, объединяющих два самостоятельных общественно-опасных последствия, одно из которых причиняется умышленно, а другое - по неосторожности.

Общественно-опасное последствие, причиненное с умышленным отношением, называется ближайшим, так как оно, как правило, наступает непосредственно в результате совершения преступления (умысел лица

направлен непосредственно на его причинение), а причиненное по неосторожности - отдаленным.

При этом умысел (прямой или косвенный) непосредственно направлен на причинение последствий, которые в свою очередь являются признаком основного состава преступления, а неосторожность (в виде легкомыслия или небрежности) проявляется в отношении последствий, образующих квалифицирующий признак. При этом рассматриваемое преступное деяние имеет свой образующий смысл в результате единично целого общественно - опасного деяния, который в свою очередь непосредственно наносит вред сразу же двум объектам уголовно-правовой охраны.

Двойная форма вины может также выступать квалифицирующим признаком ряда преступлений, в которых умысел виновного направлен на причинение последствий, которые непосредственно являются признаком основного состава, а неосторожность проявляется в отношении последствий, которая играет роль в качестве квалифицирующего признака.

Важно отметить, что ч. 1 ст. 114 УК РФ охватывает собой и причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Налицо состав с двойной виной: вред здоровью причиняется умышленно (с прямым или косвенным умыслом), но отношение к причинению смерти - неосторожное (в форме легкомыслия или небрежности). Это означает, что виновный предвидел, что его действия могут причинить смерть потерпевшему, но без достаточных оснований рассчитывал на ее предотвращение либо не предвидел, но мог и должен был предвидеть возможность наступления смерти. Отличие от умышленного убийства в том, что виновный не желал и сознательно не допускал (не относился безразлично) к наступлению смерти потерпевшего. Отличие от неосторожного убийства в том, что виновный умышленно причинял вред здоровью потерпевшего [62].

При решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и

локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения [63].

Также, следует обратить внимание на то, что, рассматривая вопросы правоприменительной деятельности ст. 114 УК РФ непосредственно показывают, что органы следствия, а также органы судебной власти в большинстве случаев, как правило, не учитывают специфику и разновидности умысла и, в связи с чем, допускают ошибки при квалификации преступления. При этом, решение вопроса о правильной квалификации содеянного непосредственно необходимо обобщать с установлением характера телесных повреждений, которые в ходе совершения преступного деяния наносятся в жизненно важные органы потерпевшего, при котором виновное лицо осознает несовместимость повреждений, причиняемых им с жизнью человека.

Следователям и судьям непосредственно необходимо обеспечить всестороннее изучение разработанных в теории уголовного права и правоприменительной практике существующих критериев отграничения убийств от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, которое в свою очередь повлекло наступлению смерти по неосторожности. Ошибки, которые допускаются, при отграничении данных составов преступлений во многом имеют свое объяснение по ряду признаков объективной стороны, так как данные признаки имеют сходство. При этом непосредственное разграничение убийства и причинение тяжкого вреда здоровью, которое в дальнейшем повлекло смерть потерпевшего, должно непосредственно проводиться по субъективной стороне [37, с. 333-334].

Совершение деяние в виде умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, которое в дальнейшем повлекло смерть (ч. 1 ст.114 УК РФ), непосредственно следует отграничивать от ст. 108 УК РФ (убийство при превышении пределов необходимой обороны). При этом, исходя из правоприменительной практики прошлых лет, данное разграничение вызывает большие трудности и сложности. Данные возникающие сложности

обуславливаются из –за сходности данных составов преступлений по их внешним признакам. Более подробнее вопрос разграничения данных составов будет рассмотрен в следующем параграфе.

Большая группа ошибок в квалификации непосредственно связана с забвением этого или же с игнорированием косвенного умысла либо же неспособностью правильно установить его по имеющимся обстоятельствам уголовного дела. Существуют случаи, что многие лица, которые были привлечены к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 114 УК РФ ссылались на то, что они не имели желание на причинение смерти потерпевшему. Однако, само отсутствие желания является в свою очередь неравнозначным отсутствию умысла. При этом косвенный умысел по определению ст. 25 УК РФ, как раз и обосновывает, что виновное лицо не желало предвиденных последствий, но сознательно допускало данные последствия либо же относилось к ним безразлично.

Желание иногда по ошибке понимается в узком смысле в качестве стремления к определенной цели (например, причинение смерти лицу). Цель может лежать и за пределами состава убийства. При косвенном умысле виновное лицо не направляет свою волю на причинение смерти, однако своими действиями сознательно допускает ее наступление.

2.4 Проблемы отграничения состава причинения тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны от смежных составов преступлений

В результате проведенного анализа, установлено, что наибольшие проблемы вызывает разграничение рассматриваемого состава преступлений с причинением тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК РФ), с убийством при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК РФ) при наличии последствий в виде смерти нападавшего, а также со ст. 111 УК РФ. Рассмотрим их подробнее.

Так, в следственной и судебной практике встречаются ситуации, когда лицо изначально пребывая в обстановке необходимой обороны, начинает причинять вред нападающему, однако впоследствии такие действия перерастают в совершаемые в состоянии аффекта, иными словами происходит трансформация психического состояния лица.

Е.В. Лукки в диссертационном исследовании высказал мнение о том, что в таком случае, действия лица необходимо квалифицировать по наступившему конечному результату, то есть как преступление, совершённое в состоянии аффекта (если нападавший был один и вред причинён только одному человеку). В случаях, когда нападавших было несколько, а действия обороняющегося перерастают из необходимой обороны по отношению к одному, в состояние аффекта по отношению ко второму нападавшему, то учёный предлагает рассматривать такие действия как два состава преступления: одно как превышение пределов необходимой обороны, а второе – как преступление совершённое в состоянии аффекта (речь идёт о тех случаях, когда имеет место, соответственно, превышение пределов необходимой обороны и причинение вреда в состоянии аффекта) [31, с. 189-190]. Иными словами, Е.В. Лукки предлагает в таком случае квалифицировать действия изначально обороняющейся стороны как совокупность преступлений.

Давая собственную оценку таким ситуациям, отметим, что и действия, совершаемые в состоянии необходимой обороны, при превышении её пределов и причинение вреда в состоянии необходимой обороны, являются сходными между собой, поскольку зачастую состояние аффекта также вызвано изначально противоправным или иным подобным поведением потерпевшей стороны. При разграничении таких действия необходимо тщательно выяснять и устанавливать обстоятельства происшедшего, а именно момент, когда противоправное посягательство было прекращено по воле или не по воле нападавшего и момент, когда обороняющееся лицо осознало или должно было осознать его. Как правило, это могут быть фактические

временные промежутки между отпором нападавшим и продолженными через время насильственными действиями в отношении последних, когда они уже прекратили всяческие попытки продолжить противоправные действия. При этом, как представляется, ситуации в которых причинение вреда нападающему причиняется в условиях нападения, могут быть рассмотрены только на предмет квалификации таких действий по ст. 114 УК РФ, но не по ст. 113 УК РФ.

Кроме того, как предлагает большая часть учёных [87, с. 12; 448, с. 24], при разграничении данных составов преступлений основной акцент обычно делается на мотивации лица, совершившего такое преступление. При превышении пределов необходимой обороны мотивом считается защита правоохраняемых интересов, а при совершении преступления в состоянии аффекта в качестве мотива выделяют месть.

Есть позиция, в соответствии с которой в качестве разграничительного критерия характер насилия, примененного потерпевшим. Однако у этой позиции есть определённые недостатки, поскольку из диспозиции ст. 114 УК РФ прямо не следует наличие мотива (указание на это отсутствует). Наличие такого мотива, либо цели можно проследить исходя из указания обстановки совершения преступления, предусмотренного ст. 114 УК РФ – обстановка состояния необходимой обороны, которая исходя из содержания ст. 37 УК РФ предполагает возникновение у лица право на свою защиту, на защиту других лиц, общества и государства. Представляется вполне очевидным, что если речь будет идти о реализации такого права, то мотив совершения действия должен быть соответствующим. В свою очередь, при совершении преступления в состоянии аффекта, такой мотив должен отсутствовать.

Обратимся к Постановлению Пленума ВС РФ [58], который в п. 15 в качестве разграничительных критериев указывает: «для преступлений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения, характерно причинение вреда потерпевшему не с целью защиты и, следовательно, не в состоянии необходимой обороны. Кроме того, обязательным признаком

преступлений, совершаемых в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного действиями потерпевшего, является причинение вреда под влиянием именно указанного волнения, тогда как для преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, этот признак (наличие аффекта) не обязателен».

Что касается аффекта то для последнего в большинстве случаев характерна мотивация мести. В свою очередь, К.В. Дядюн в своей публикации отмечает что выше обозначенные критерии разграничения не позволят в должной мере чётко разграничить составы таких деяний. В частности, совершение преступления в состоянии аффекта не всегда связано с мотивом мести. В то же время, деяние, связанное с превышением пределов необходимой обороны может быть сопряжено с мотивом мести за совершенное в отношении обороняющегося противоправное посягательство [19, с. 15]. Иными словам, на определённом этапе обороны, обороняющееся лицо уже может действовать не только с целью обороны, но и с целью мести, что не исключает продолжение нападения со стороны нападавшего лица. В таких случаях, действительно, однозначно разграничить действия обороняющегося очень сложно.

Анализ примеров из судебной практики показывает, что сторона обвинения довольно часто совершает очевидные ошибки в квалификации действий виновного лица идя, как правило, по пути утяжеления обвинения, хотя даже из установленных судом обстоятельств, усматриваются признаки превышения пределов необходимой обороны. Например, «Ш. увидела, что ее муж в трусах лег на диван к дочери, стал прижиматься к ней, хватал ее руками; дочь пыталась сопротивляться. Ш. схватила рюкзак, в котором была гантель, и нанесла удары по голове мужу, от чего наступила смерть последнего. Органы предварительного расследования квалифицировали действия Ш. по ст. 105, суд переквалифицировал ее действия по ч. 1 ст. 107 УК РФ» [59]. При этом в самом судебном решении, не обосновывается отсутствие состояния необходимой обороны, не устанавливается должным образом мотивация

виновного лица и цель причинения вреда погибшему, при этом, все признаки состояния необходимой обороны «на лицо».

В другом случае, виновным лицом был причинён вред при следующих обстоятельствах: «К., после совместного распития спиртного, сделал П. предложение совершить с ним половой акт. Получив отказ, К. затащил ее в спальню, где, угрожая ножом, заставил совершить действия сексуального характера. В момент их осуществления П. схватила лежащий на столе нож и нанесла им несколько ударов потерпевшему. П. была осуждена за простое убийство. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ действия П. были переквалифицированы на ч. 1 ст. 107 УК РФ» [44].

Такая квалификация также спорна, поскольку из «установленных по делу обстоятельств» явно видно совершение в отношении виновного лица противоправных действий (изнасилование или иные насильственные действия предполагают под собой совершение насилия или угрозу его применения). При этом, в условиях принуждения к таким действиям явная угроза жизни у виновного лица отсутствовала, а значит действия могли быть рассмотрены как превышение пределов необходимой обороны. Представляется, что правильной квалификацией в рассматриваемом случае является именно преступление, совершённое в условиях превышения пределов необходимой обороны.

Таким образом, разграничение составов преступления предусмотренных ст. 113 и ч. 1 ст. 114 УК РФ, должно происходить по следующим критериям:

- наличие или отсутствие обстановки преступления в виде состояния необходимой обороны на протяжении всего периода действий обороняющейся стороны в отношении нападавших;
- наличие субъективного восприятия, обороняющегося совершаемых в отношении него и других лиц действий как нападения, которое даёт ему право на оборону, совершение насильственных действий в отношении нападавшего с целью реализации права на необходимую оборону (с соответствующей мотивацией).

Также, в науке и в правоприменительной практике, существует проблема разграничения таких составов преступлений, как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ) и ч. 1 ст. 114 УК РФ. Проблема разграничения данных состав имеет два аспекта. Во-первых, по аналогии с ч. 4 ст. 111 УК РФ, ст. 114 УК РФ прямо не предусматривает ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего. Во-вторых, большая часть объективных признаков ст. 111 и 114 УК РФ сходны и для их разграничения необходимо установление наличия или отсутствия состояния (обстановки) необходимой обороны [1, с. 507-515].

Согласно разъяснений Пленума ВС РФ в постановлении № 19, наступление смерти по неосторожности в следствие причинения тяжкого вреда при превышении пределов необходимой обороны, должно быть квалифицировано по ч. 1 ст. 114 УК РФ [58]. Иными словами, вред причинённый нападавшему по неосторожности, уголовно не наказуем

Далее обратимся к примерам и судебной практики. Так, апелляционным определением Амурского областного суда действия Г.М. переqualифицированы с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч.1 ст. 114 УК РФ. Обстоятельства дела таковы. Г.М. находился дома совместно с А. и Н., они распивали спиртные напитки, в вечерние время к ним в квартиру постучал М. Дождавшись, когда Г.М. открыл дверь квартиры, М. нанес удар рукой по лицу Г.М. Затем Г.М. оттолкнул от себя М. и нанес ему два удара кулаками в голову, причинивших последнему тяжкий вред здоровью и повлекший смерть [4]. Суд первой инстанции пришел к выводу, что Г.М. при причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшего по неосторожности его смерть, не находился в состоянии необходимой обороны, и мотивом его действий явились внезапно возникшие личные неприязненные отношения к потерпевшему, вызванные нанесением М. удара в лицо.

Однако, с выводом суда первой инстанции не возможно согласиться. Во-первых, несмотря на то, что обороняющееся лицо добровольно открыло дверь

в своё жилое помещение, нападавший после нанесения удара пытался в него проникнуть. Обороняющийся после того, как ему был нанесён удар от нападавшего, уже не желал допускать последнего в своё помещение. То есть, кроме самого фактора причинения вреда здоровью, имело место стремление нападавшего проникнуть в жилое помещение, принадлежащее обороняющегося. Во-вторых, даже если у обороняющегося изначально получилось оттолкнуть от себя нападавшего, это ещё не значит, что последний отказался от намерения продолжить нападение, кроме того, об этом не мог предположить и обороняющийся. В связи с этим, апелляционная инстанция пришла к выводу о том, что виновное лицо (обороняющийся) действовал в условиях необходимой обороны, однако избрал несоразмерный способ защиты, тем самым превысив пределы допустимости необходимой обороны. Действия Г.М. были перекавалифицированы на ч. 1 ст. 114 УК РФ

Как уже указывалось выше, критерием разграничения ст. 111 УК РФ и ст. 114 УК РФ может выступать факт окончания противоправного посягательства со стороны нападавших (потерпевшего), в результате чего состояние необходимой обороны прекращается и умышленные действия обороняющегося лица, направленные на причинение вреда потерпевшему, рассматриваются отдельно. Анализ судебной практики показывает наличие значительной неопределённости в этом вопросе.

Так, обратим внимание на Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Ульяновского областного суда от 20.06.2018 года по уголовному делу № 22-1103/2018 [6], которым было проверено решение Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 26.04.2018 года которым подсудимый был оправдан по обвинению в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью.

В рассматриваемом примере заслуживает на внимание позиция прокурора, изложенная в апелляционном представлении. В частности, прокурор обращал внимание на то, что после того, как подсудимым были пресечены действия потерпевшего, у последнего была возможность

прекратить применение мер воздействия в отношении потерпевшего, а у потерпевшего, соответственно, отсутствовала возможность продолжать свои противоправные действия.

Иным словами, тяжкий вред здоровью был причинён уже после того, как противоправные действия потерпевшего были причинены и реальная необходимость и целесообразность причинения такого вреда, отсутствовала. Несоразмерность применённых средств и средств применяемых в отношении подсудимого потерпевшим, отсутствие реальной угрозы жизни, по мнению прокурора, заключалось в том, что подсудимому был причинён только лёгкий вред здоровью. Кроме того, в обоснование своей позиции, прокурор указывал на показания потерпевшего о том, что лёгкий вред здоровью подсудимого был причинён им по неосторожности, а сам подсудимый при первоначальном допросе подтвердил, что осознавал, при нанесении удара ножом о том, что совершает именно преступление [6].

Отказывая в удовлетворении апелляционного представления прокурора, суд указал, что потерпевший в ходе совместного распития спиртных напитков на почве возникших неприязненных отношений нанёс удар ножом в область сердца подсудимому. Такой удар потенциально несёт в себе опасность для жизни подсудимого. Такая опасность не может быть опровергнута фактом причинения лишь лёгкого вреда здоровью, поскольку последствия от ударов такого характера могут быть весьма различны и, как правило, обороняющемуся человеку сложно их предопределить.

Кроме того, в такой ситуации субъективное восприятие подсудимого вполне обосновано заключалось в реальности угрозы высказанной потерпевшим (угроза лишения жизни). Кроме того, определяющее значение имели место и короткие временные промежутки между высказанной со стороны потерпевшего угрозой и попыткой нанести удар, и между ответным ударом, который был сделан сразу же после удара потерпевшего. Иными словами, у подсудимого было малое количество времени для того, чтобы

оценить реальность угрозы, при этом, все обстоятельства происшедшего свидетельствовали о намерении потерпевшего лишить жизнь подсудимого [6].

В качестве примера исправления судебных ошибок в судах первой и апелляционной инстанциях, рассмотрим определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 года по делу № 69-УД18-7 [45]. Решением суда первой инстанции, выводы которого были подтверждены в апелляции, С. был осуждён за причинение тяжкого вреда здоровью, которое по неосторожности, причинило смерть потерпевшему по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Обстоятельства дела заключались в следующем. Между ранее знакомыми лицами в процессе совместного распития спиртных напитков в условиях жилого помещения произошёл словесный конфликт на бытовой почве. В ходе конфликта, один из его участников достал нож и продемонстрировал второму. Между последними завязалась борьба, в ходе которой ножом завладел второй участник конфликта. В процессе борьбы бывший «владелец» ножа получил лёгкий вред здоровью. В свою очередь, второй участник конфликта, завладев ножом, направился к выходу из квартиры, однако будущий потерпевший догнал второго участника конфликта и повалил его на пол, пытаясь нанести удары по лицу, в процессе этого, участник с ножом нанёс последнему удар в спину. В результате полученных повреждений наступила смерть потерпевшего. Данные действия были квалифицированы как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Государственное обвинение и суд пришли к выводу о том, что возможная ситуация состояния необходимой обороны была окончена с того момента, когда осуждённый завладел ножом и начал двигаться в сторону выхода из квартиры. В свою очередь последующий «эпизод» конфликта был рассмотрен как отдельная ситуация, в ходе которой нанесение ударов потерпевшим и факт того, что последний повалил осуждённого, не были расценены как реальная угроза жизни второму участнику конфликта.

В свою очередь, ВС РФ счёл целесообразным применить в данной ситуации п. 8 Постановления ПВС РФ № 16, который предусматривает продолжительность состояния необходимой обороны, при условии, продолжительности самого нападения, которое может продолжаться и после того, как из распоряжения нападающего убыло средство нападения. В данном случае, потерпевший продолжил свои насильственные действия в отношении осуждённого сразу же после того, как последний завладел его ножом. Более того, такие действия охватывались его единым умыслом, по времени следовали непосредственно друг за другом, то есть имело место одно продолжаемое нападение. Кроме того, при квалификации действий С. как необходимой обороны были учтены предшествовавшие непосредственному конфликту обстоятельства, характеристики как потерпевшего, так и осуждённого, их физические и возрастные данные.

В последствии суд первой инстанции в 2018 году признал С. виновным в совершении убийства при превышении пределов необходимой обороны [43].

В подведение промежуточных итогов, отметим, что для разграничения ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по ст. 111 УК РФ и за причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, важное значение приобретает установление наличия или отсутствия состояние необходимой обороны, а также временные рамки данного состояния. Действия обороняющегося направленные на умышленное причинение вреда нападавшему, которые были начаты и совершены после фактического окончания нападения, и не совершённые в состоянии аффекта, должны быть квалифицированы по ст. 111 УК РФ.

Далее рассмотрим проблему разграничения ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ.

Законодатель предусмотрел два основания привлечения лица к уголовной ответственности в случае несоразмерности действий при необходимой обороне: за убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108 УК РФ), а также в случаях причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны

(ст. 114 УК РФ) [31, с. 95]. На первый взгляд, специфических проблем в разграничении указанных действия не имеется, однако, это не так.

Рассматривая проблемы разграничения ст. 108 УК РФ предусматривающей ответственность за совершение убийства при превышении пределов необходимой обороны и ч. 1 ст. 114 УК РФ, которая предусматривает ответственность за причинение тяжкого вреда при превышении пределов необходимой обороны, необходимо обратить внимание, что проблемы носят общий для такого рода преступлений характер и заключаются в разграничении умышленного убийства и тяжкого вреда здоровью повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Иными словами, подлежит установление субъективное отношение виновного лица к наступившей смерти потерпевшего, которая находится в прямой причинно-следственной связи с действиями обороняющегося.

Как показывает судебная практика, в большинстве своём кроме обстановки происшедшего учитывается способ, нанесения вреда нападавшему, если это предметы, использование которых несёт непосредственную угрозу жизни и здоровья, если удары наносились по жизненно важным органам, либо неоднократно, то такие действия, как правило, признаются умышленным убийством при превышении пределов необходимой обороны.

Спорные вопросы вызывают случаи, когда в ходе оборонительных действий, обороняющееся лицо завладевает оружием нападения. Такие случаи, как правило вызывают затруднение, когда переход оружия преступления от нападавшего к обороняющемуся, с учётом других обстоятельств происшествия, справедливо и обосновано признавался моментом окончания состояния необходимой обороны.

В качестве примера такой ситуации указывается на апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам С РФ от 1 марта 2017 года № 55-АПУ17-2 [5]. ВС РФ проверялась законность приговора ВС Республики Хакасия от 2.12.2016 года, согласно которому, А. был осужден за

совершение умышленного убийства дух лицо по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В апелляционной жалобе сторона осуждённого ссылаясь на то, что последнему также были причинены телесные повреждения, а также тёмное время суток, полагала правильной квалификацию действий по совершении убийства при превышении пределов необходимой обороны по ст. 108 УК РФ.

Квалификация действий осуждённого лица была признана правильной. Действительно, несмотря на то, что потерпевшие изначально намеревались причинить осуждённому вред здоровью, и даже совершили действия (нападение), а именно попытки нанести удары монтировкой по голове, осуждённый смог в результате борьбы завладеть данным средством нападения. В этот момент, осуждённый находился в салоне автомобиля, а потерпевшие за его пределами, дальнейшие попытки продолжения нападения последние прекратили.

Таким образом, осуждённый имел возможность покинуть место нападения, остаться в салоне автомобиля и т.п. без какой-либо дальнейшей угрозы для своей жизни и здоровья. Однако, руководствуясь возникшей личной неприязнью к указанным лицам, осуждённый вышел из автомобиля и используя указанную монтировку в качестве орудия совершения преступления и умышленно причинил последним смерть. К тому же, способ нанесения ударов свидетельствовал не о необходимой обороне, а о сознательном и целенаправленном лишении последних жизни: удары были нанесены по голове, смерть одного из потерпевших наступила в результате не менее чем трёх ударов монтировкой по голове, что явно не соответствует критериям необходимой обороны.

Также, существенные затруднения вызывают ситуации, когда судам необходимо оценить субъективное восприятие обороняющегося лица. В частности, о наличии состояния необходимой обороны в тех случаях, когда защита имеет место сразу же после окончания акта нападения, однако в связи

со сложившимися обстоятельствами, обороняющееся лицо полагает, что нападение продолжается или будет продолжено.

Так, по одному из рассматриваемых дел, осуждённая была признана невиновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, при том, обстоятельстве, что причинению смерти нападающему, предшествовала попытка изнасилования осуждённой. В пользу умысла на причинение вреда, указывалось на многочисленность нанесённых ударов. Судом апелляционной инстанции было установлено, что осужденная обоснованно опасалась продолжения совершения в отношении неё нападения, попытка которого непосредственно перед причинением смерти имела место. Также было учтено, что осуждённая пыталась покинуть квартиру, являющуюся местом нападения, однако сделать это не успела по причине препятствования потерпевшего [43].

Ещё одним таким примером является постановление Свердловского областного суда от 22 июля 2015 года по делу № 44у-126/2015 [61], которым уголовное дело в отношении подсудимой было прекращено в связи с тем, что в действиях последней была установлена необходимая оборона.

В процессе рассмотрения дела было установлено, что потерпевший перед тем, как ему была причинена смерть не менее чем на протяжении двух часов подряд избивал осуждённую, наносил последние удары руками и ногами, приставлял нож к жизненно важным органам, совершал иные действия насильственного характера. В последствии, он лёг на диван и положил нож рядом с собой. Подсудимая схватила нож и нанесла потерпевшему смертельные ранения. Данные действия были признаны необходимой обороной.

При разрешении вопроса об отсутствии в действиях лица состояния необходимой обороны имеет значение установление точной последовательности совершённых действий. Например, лицо, признанное виновным в совершении умышленного убийства, заранее приготовило для

нападения нож и применило его, после нанесения потерпевшим удара [46].
Таких случаях необходимая оборона отсутствует.

Далее рассмотрим проблемные вопросы квалификации действий лица в условиях мнимой обороны. На данном этапе, в отечественном уголовном праве неопределённость квалификации подобных действий была разрешена п. 16 Постановления Пленума ВС РФ № 19, а именно, «в тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны».

При этом лицо, превысившее пределы защиты, допустимой в условиях соответствующего реального посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, или с непосредственной угрозой применения такого насилия, подлежит ответственности за превышение пределов необходимой обороны» [58].

Таким образом, в случаях, когда лицо добросовестно заблуждалась в наличии оснований для необходимой обороны, последний не несёт ответственность, при условии, что им не были превышены пределы необходимой обороны исходя из ситуации, которая сложилась в представлении обороняющегося. В противном случае, будет иметь место превышение пределов необходимой обороны.

В свою очередь, согласно того же пункта постановления Пленума ВС РФ, если лицо заблуждался недобросовестно, то есть «должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства» то в таких действиях усматривается неосторожная форма вины, которая исключает квалификацию действий лица по ч. 1 ст. 114 УК РФ.

Подводя итоги написания данного параграфа, сделаем вывод о том, что, как представляется, основной проблемой правоприменительной и судебной практики на данном этапе является продолжающиеся массовые случаи

предъявления лицам обвинений в совершении умышленных и неосторожных преступлений в тех ситуациях, когда согласно нормы закона и разъяснений постановления ПВС РФ № 19 имеются все основания для признания таких действий превышением пределов необходимой обороны по ч. 1 ст. 114 УК РФ (вывод в целом представляется справедливым и для ст. 108 УПК РФ). Об этом в частности, свидетельствуют рассмотренные в рамках данного параграфа случаи из судебной практики, связанные с вынесением судебной инстанцией оправдательных вердиктов.

Обвинительный уклон со стороны органов предварительного расследования и прокуратуры в ситуации неочевидности, когда наличие или отсутствие состояния необходимой обороны является неопределённым и требует разрешения по результатам проведения качественного, всестороннего и объективного следствия, связан с недостаточным изучением теоретических основ названных уголовно-правовых институтов и непониманием концептуальных положений постановления Пленума ВС РФ № 19.

Кроме того фактор боязни оценить действия подозреваемого или обвиняемого по более «мягкой» статье, что потенциально может бросать «тень» на следователя, его руководителя или государственного обвинителя (он же прокурор) играет немаловажную роль и является «пороком» организации современной модели предварительного расследований, в практике которой до настоящего времени действует принцип наиболее большого вменения.

Заключение

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. В результате проведенного исследования зарубежного опыта регулирования права на необходимую оборону установлено, что возможным направлением заимствования является сведение в «единую» уголовно-правовую нормы вопросы уголовной ответственности за причинение вреда жизни и здоровью человека при превышении пределов необходимой обороны (имеется в виду нынешние ст.ст. 111 и 114 УК РФ). Кроме того, в большинстве государств континентальной Европы, критерии превышения пределов необходимо обороны содержатся в статьях общей части уголовных законов (как и в России), а ответственность за причинение вреда в условиях превышения таких пределов, определяется как смягчённая ответственность за соответствующее умышленное преступление. Данный подход может быть применён и в России, поскольку в соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ предусмотрено такое смягчающее обстоятельство, как «совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны ...».

2. Основной проблемой правоприменительной и судебной практики на данном этапе является продолжающиеся массовые случаи предъявления лицам обвинений в совершении умышленных и неосторожных преступлений в тех ситуациях, когда согласно нормы закона и разъяснений постановления ПВС РФ № 19 имеются все основания для признания таких действий превышением пределов необходимой обороны по ч. 1 ст. 114 УК РФ. Об этом в частности, свидетельствуют рассмотренные в рамках данного параграфа случаи из судебной практики, связанные с вынесением судебной инстанцией оправдательных вердиктов. Обвинительный уклон со стороны органов предварительного расследования и прокуратуры в ситуации неочевидности, когда наличие или отсутствие состояния необходимой обороны является

неопределённым и требует разрешения по результатам проведения качественного, всестороннего и объективного следствия, связан с недостаточным изучением теоретических основ названных уголовно-правовых институтов и непониманием концептуальных положений постановления Пленума ВС РФ № 19. Кроме того фактор боязни оценить действия подозреваемого или обвиняемого по более «мягкой» статье, что потенциально может бросать «тень» на следователя, его руководителя или государственного обвинителя (он же прокурор) играет немаловажную роль и является «пороком» организации современной модели предварительного расследований, в практике которой до настоящего времени действует принцип наиболее большого вменения.

3. Разграничение составов преступления предусмотренных ст. 113 и ч. 1 ст. 114 УК РФ, должно происходить по следующим критериям: наличие или отсутствие обстановки преступления в виде состояния необходимой обороны на протяжении всего периода действий обороняющейся стороны в отношении нападавших; наличие субъективного восприятия, обороняющегося совершаемых в отношении него и других лиц действий как нападения, которое даёт ему право на оборону, совершение насильственных действий в отношении нападавшего с целью реализации права на необходимую оборону (с соответствующей мотивацией).

4. Для разграничения ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по ст. 111 УК РФ и за причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, важное значение приобретает установление наличия или отсутствия состояние необходимой обороны, а также временные рамки данного состояния. Действия обороняющегося направленные на умышленное причинение вреда нападавшему, которые были начаты и совершены после фактического окончания нападения, и не совершённые в состоянии аффекта, должны быть квалифицированы по ст. 111 УК РФ.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Афанасьева А.Р. О некоторых вопросах превышения пределов необходимой обороны // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 507-515.
2. Акимочкин В.И. Необходимая оборона и критерии ее правомерности (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. № 1. С. 55-72.
3. Аничимова И.А. Вред, причиненный здоровью человека: понятие и виды. / Вестник Томского государственного университета. № 302/2007. С. 113.
4. Апелляционное определение Амурского областного суда от 5 марта 2015 г. по делу № 22-197/15 // СПС Консультант Плюс.
5. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 01.03.2017 N 55-АПУ17-2 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=493024&dst=4294967295&date=18.12.2019> (дата обращения – 15.02.2021 года).
6. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Ульяновского областного суда от 20 июня 2018 года по уголовному делу № 22-1103/2018 // URL: http://uloblsud.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=192&Itemid=63&idCard=73883 (дата обращения – 15.02.2021 года).
7. Бахтеева Е.И. Превышение пределов необходимой обороны: Проблемы квалификации: Дис... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 1997. 182 с.
8. Бувеч Е.И. Этапы исторического развития института необходимой обороны в уголовном праве послереволюционной России // Сибирское юридическое обозрение. 2013. № 1 (20). С. 116120.

9. Васин Д.М. Необходимая оборона как обстоятельство исключающее преступность деяния: место и роль в уголовно-правовом регулировании: дис. ...канд. юр. наук. 2013. 170 с.
10. Глазков А.А., Репин Р.П., Егоров В.А. Пределы необходимой обороны и крайней необходимости в уголовно-правовой теории // Государственная служба и кадры. 2019. № 4. С. 146-148.
11. Головненков В.П. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. – 2-е изд. перераб. И доп. – М. : Проспект, 2012. 263 с.
12. Герасимова Е.В. История развития института необходимой обороны: российский и зарубежный аспекты // Новый ракурс. 2016. № 17. С. 36-50.
13. Герасимова Е.В. К вопросу об условиях правомерности необходимой обороны // АВБсП. 2015. № 2. С. 8-10.
14. Гринберг М.С. Преступное легкомыслие // Вестник ОмГУ. 2010. №3. С. 215-218.
15. Голованова Н.А., Еремин В.Н. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть. М., 2001 240 с.
16. Грацианский Н.П. Салическая правда. URL: hist.msu.ru/ER/Etext/salic.htm (дата обращения: 29.01.2021 г.).
17. Городнова О.Н. Понимание и реализация права на необходимую оборону // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 160-170.
18. Дуюнов В.К., Хлебушкин А.Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика Монография. - М. : РИОР, 2018. 431 с.
19. Дядюн К.В. Право на необходимую оборону: проблемы реализации // Universum: экономика и юриспруденция. 2014. № 5 (6). С. 8-10.
20. Дядюн К.В. К вопросу о критериях правомерности необходимой обороны // Universum: экономика и юриспруденция. 2014. №10. С. 3-4.

21. Ефимович А.А. Основание необходимой обороны // Вестник ИрГТУ. 2007. № 1 (29). С. 240.
22. Журкина О.В. Институт необходимой обороны в законодательстве зарубежных стран// Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015.Т.13.С. 4426-4430.
23. Законы Ману. URL: <http://www.bharatiya.ru/india/zakonmanu.html> (дата обращения: 29.01.2021 г.).
24. Итальянский уголовный кодекс 1930 г. / Пер. проф. М.М. Исаева. - Москва : Юриздат, 1941. - 176 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005241456> (дата обращения 27.12.2020).
25. Красиков А.Н. Преступления против личности. Саратов, 2003. 189 с.
26. Кони А.Ф. О праве необходимой обороны. М., 1866. URL: <http://padabum.com/d.php?id=19009> (дата обращения – 20.01.2021 года).
27. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. М., 2010. 163 с.
28. Классен А.Н., Якуньков М.А. Зарубежное законодательство о необходимой обороне // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2007. № 4. С. 73-77.
29. Козак В.Н. Право граждан на необходимую оборону. Саратов, 1972. 215 с.
30. Кабурнеев Э.В. О некоторых проблемах квалификации фактов причинения смерти при превышении пределов необходимой обороны. // Российский следователь. 2007. №1. С. 11-15.
31. Лукки Е.В. Необходимая оборона при посягательствах на членов семьи: уголовно-правовые и криминологические аспекты : диссертация ... кандидата юридических наук. - Краснодар, 2019. 216 с.
32. Лисица Л.М. Общие условия правомерности необходимой обороны (магистерская диссертация). Барнаул. 2017. 150 с.

33. Меркурьев В.В., Тараканов И.А. Особенности эволюции института необходимой обороны в советском и российском уголовном праве // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2019. № 1. С. 25-30.

34. Ментюкова М.А., Шилкина А.Н. Проблемы применения необходимой обороны в уголовном праве России // Science Time. 2015. № 11. С. 361-365.

35. Муромцев С.А., Новгородцев П.И. Немецкая историческая школа права. М., 2010. 250 с.

36. Назуров А.Г., Шищенко Е.А. Обзор исторического становления и актуального состояния института необходимой обороны и практики его применения // Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU. 2016. № 123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-istoricheskogo-stanovleniya-i-aktualnogo-sostoyaniya-instituta-neobhodimoy-oborony-i-praktiki-ego-primeneniya> (дата обращения: 27.12.2020).

37. Неметинов Д.В. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Проблемы квалификации // Вестник ТГУ, выпуск 1 (117), 2013. С. 333-334.

38. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 144 с.

39. О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 14.03.2002 № 29-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 211. Ст. 21.

40. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

41. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федеральный закон

от 27.07.2006 № 153-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3452.

42. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений уголовного кодекса российской федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам // Сайт Судебного Департамента РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения – 27.12.2020 года).

43. Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2019 г.) // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72185504/> (дата обращения – 27.12.2020 года).

44. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2001 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 9.

45. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.05.2018 N 69-УД18-7 // СПС «Консультант Плюс». <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=542466&ds t=4294967295&date=18.12.2019> (дата обращения – 15.02.2021 года).

46. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.11.2016 N 59-УД16-2 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=483769&ds t=4294967295&date=18.12.2019> (дата обращения – 15.02.2021 года).

47. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. 541 с.

48. Питецкий В.В. Уголовно-правовое значение автоматически срабатывающих средств при осуществлении права на необходимую оборону // Российская юстиция. 2011. № 7. С. 24-30.

49. Плиева З.М. Проблемы превышения пределов необходимой обороны во времени // Проблемы Науки. 2012. № 3. С. 90-91.

50. Питулько К.В., Коряковцев В.В. Уголовное право. Особенная часть. Учебное пособие. – 2-е изд. – Питер, 2010. 360 с.

51. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости - СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 135-140.

52. Постановление Правительства РФ «Об утверждении правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» от 17.08.2007 г. (с из. и доп. от 17.11.2011.).

53. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» от 24.04.2008 г. (с изм. и доп. от 18.01.2012 г.) // Российская газета. 2008. № 188.

54. Постановление Пленума ВС РФ от 27.09.2019 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного суда РФ. 2012. № 11.

55. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23.10.1956 № 8 «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне» // СПС Консультант Плюс.

56. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.12.1969 № 11 «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне» // СПС Консультант Плюс.

57. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» // ИПК «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1205236/> (дата обращения: 15.02.2021).

58. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.09.2012 года «О применении судами законодательства о необходимой обороне и

причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. 2012. № 27.

59. Постановление коллегии Верховного Суда РФ по делу № 44-099-132 // СПС «Консультант плюс».

60. Приговор № 1-226/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-226/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru/regular/doc/0O4YjsOkAmYX/ (дата обращения: 11.03.2021).

61. Постановление президиума Свердловского областного суда от 22.07.2015 по делу N 44у-126/2015 // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=68139&ds=t=4294967295&date=18.12.2019> (дата обращения – 15.02.2021 года).

62. Пензенский областной суд «Справка по результатам изучения судебной практики рассмотрения уголовных дел о насильственных преступлениях против личности, за период 2014 г. – первое полугодие 2015 г.» [Электронный ресурс] : режим доступа - <http://www.oblsud.penza.ru/item/1080>

63. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27.01.1999 г.

64. Рарог А.И. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – 2-е изд. перераб. и доп. – М. : Юристь, 2004. 181 с.

65. Рамазанов Р.Г. Перспективы совершенствования института необходимой обороны // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 161-17.

66. Решетникова Г.А., Зварыгин В.Е. Условия правомерности охраны отношений собственности при применении не запрещенных законом средств или приспособлений // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. № 4. С. 176-179.

67. Рамазанов Р.Г. Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 7. С. 140-144.

68. Ситникова, А. И. Тенденции уголовной политики, выраженные в нормах главы 8 УК РФ 1996 г. // Российский следователь. 2010. № 9. С. 13-14.
69. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение: основные правовые системы современности. М., 2007. С. 56-57.
70. Сверчков В.В. Уголовное право. Особенная часть. Краткий курс лекций. – 5-е изд. перераб. и доп. – М. : Высшее образование, Юрайт – Издат, 2009. 421 с.
71. Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность. Л., 1956. 87 с.
72. Таганцев Н.С. Уголовное право. Общая часть. По изданию 1902 года, С.-Пб. URL:<http://allpravo.ru/library/doc101p0/instrum105/> (дата обращения: 29.01.2021).
73. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. - М. : Статут, 2012. 560 с.
74. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. - М.: Статут, 2012. 879 с.
75. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк. URL: constitutions.ru/?p=8102 (дата обращения: 29.01.2021).
76. Уголовном кодексе Франции 1992 г. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/hre/sto/mat/iauy/gos/prav/zar/str/20.htm> (дата обращения: 26.01.2021).
77. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии в редакции от 13 ноября 1998 г. по состоянию на 15 мая 2003 г. URL: http://rawunsch.de/images/Ugolovnyiyi_Kodeks.pdf (дата обращения: 26.01.2021).
78. Уголовный кодекс Швеции. Принят в 1962 году (вступил в силу 1 января 1965 года) (по состоянию на 1 мая 1999 года). URL: :

http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii (дата обращения 27.12.2020).

79. Уголовный кодекс Швейцарии. СПб Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 350 с. URL.: <https://www.twirpx.com/file/239667/> (дата обращения 27.12.2020).

80. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (Утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 0. Ст. 591.

81. Устав Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). URL: <https://www.who.int/ru/about/who-we-are/constitution> (дата обращения: 11.03.2021).

82. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. [Электронный ресурс]: режим доступа - <http://sportizdorove.ru/vred-zdorovyu/umyishlennoe-prichinenie-tyazhkogo-vreda-zdorovyu-4-2.html>.

83. Федосова Е.Ю. Необходимая оборона в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2006.

84. Щедровицкий Д.В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. Том 1. М., 2013 г. 1354 с.

85. Шелковникова Е.Д. Необходимая оборона, тогда и теперь. Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2007. № 3. URL: <http://www.kalashnikov.ru/upload/medialibrary> (дата обращения - 27.12.2020 года).

86. Чернов А.Е. Сравнительный анализ российских и зарубежных уголовно-правовых норм о необходимой обороне // АВБсП. 2014. №1. С. 84-86.

87. Чудиновских А.О., Игнатов С.Д. К вопросу об особенностях доказывания по делам о превышении пределов необходимой обороны // Российский следователь. 2011. № 23. С. 12-14.

88. Якубович М.И. Вопросы теории и практики необходимой обороны. М., 1961. 144 с.

89. German Criminal Code (Strafgesetzbuch – StGB). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html (дата обращения: 22.03.2021).

90. Consolidated Laws of New York's Penal code. URL: <http://ypdcrime.com/penal.law/> (дата обращения: 22.03.2021).

91. The Swedish Criminal Code (Updated 25 February 2021) SFS 1962:700 Brottsbalken. URL: <https://www.government.se/government-policy/judicial-system/the-swedish-criminal-code/> (дата обращения: 22.03.2021).

92. Swiss Criminal Code of 21 December 1937 (Status as of 1 July 2020). URL: https://fedlex.data.admin.ch/filestore/fedlex.data.admin.ch/eli/cc/54/757_781_799/20200701/en/pdf-a/fedlex-data-admin-ch-eli-cc-54-757_781_799-20200701-en-pdf-a.pdf (дата обращения: 22.03.2021).

93. French Penal Code of 1810. URL: https://www.legislationline.org/download/id/3316/file/France_Criminal%20Code%20updated%20on%2012-10-2005.pdf (дата обращения: 22.03.2021).